

18+

Кайя Белая

ТЕНИ ХОЛМОВ
КЛЯТВА КОНЫША

Кайя Белая

Тени холмов: клятва конунга

«Издательские решения»

Белая К.

Тени холмов: клятва конунга / К. Белая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695501-1

«Кому ты такая нужна?» — этот вопрос Коди слышала 28 лет. От матери. От мужа. От зеркала. Развод не принес свободы. Свобода пришла, когда на пороге ее ветеринарной клиники появился незнакомец. Коди попадает туда, откуда не возвращаются. В мир северных вервульфов, где правят стая и законы Броля. Здесь она — чужая. Полная. Неудобная. Идеальная добыча. Но для конунга она — не ошибка природы, а дар богов. Тихая и удобная Коди, которую всю жизнь учили терпеть, делает выбор: она больше не жертва.

ISBN 978-5-00-695501-1

© Белая К.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	37
ГЛАВА 7	45
ГЛАВА 8	52
ГЛАВА 9	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Тени холмов: клятва конунга

Кайя Белая

© Кайя Белая, 2026

ISBN 978-5-0069-5501-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Меня зовут Лейф. Я родился в третьем месяце под Красной Луной, и жрица нашего клана Ранди назвала меня наследником, предрекая мне судьбу борца. Моя мать, человеческая женщина, Геалта¹ моего отца, была грешница. Она оставила его, влюбившись в его брата и родив сына, моего сводного брата Касса. Всю свою жизнь я боролся за свою свободу, за своё право быть сильным и крепко стоять на ногах.

Мой отец в угоду моей матери оставил трон и ушёл в леса, где растил нас с сестрой, голодранцами, но наследниками его короны. После я боролся со своим дядей за трон и право иметь Теней². Сейчас я должен сражаться со своими братом и племянником за свою Геалту. И это единственная борьба в моей жизни, которую я не выиграю.

Ранди видела мою Геалту. Она отправляла её в мои сны, и в них мы были близки. Её волосы переливались шоколадом в неярком свете свечей, расставленных в моей спальне. В её блёклых зелёных глазах горела демонова искра страсти, а губы, никогда не целованные, зазывали меня в свой плен. Её кожа напоминала мне белоснежность первого снега, покрывающего зелёный мох. Она пахла сладостью диких пионов и ледяной свежестью фьордов. Она воплощала в себе все женское начало, танцуя для меня под звуки тишины.

Сладкий туман обмана так глубоко проник в моё сердце, что отказаться от этого было невозможно.

Ранди видела наших детей. И я был уверен, что получу всё, о чём мечтал, стоит только протянуть руку.

Десять лет я ждал свою Геалту. Я должен был встретить её в нужный день, в точное время. Но мы всего лишь камни в игре Богов.

До этого дня я не знал чувства страха. Моё тело ни разу не испытывало его. Даже в смертельных боях я не страшился погибнуть. До этого дня. Сегодня впервые за всю жизнь мной овладел животный, первобытный страх, который забирает всё хорошее и светлое из моей души, оставляя только тьму и холод. Моё тело истекает кровью, и я больше не способен быть рядом со своей Геалтой. Я вижу ужас в её глазах, вижу, с каким отчаянием она сжимает раны на моём теле и ждет чуда. Но чудо всё же случилось. Оно внутри неё.

Канун 2010 года... Блойдшир, окраина провинции Коле...

Я загадала желание, выведя красивые буквы на клочке бумаги. Муж хмыкнул, когда перегнувшись через мое плечо, пробежался глазами по ровным буквам.

– Для начала перестань есть столько мучного и сладкого и замени два приёма пищи на салат. Твоя жизнь изменится, вот увидишь, – насмешливо произнёс он и поиграл перед моим носом бицепсами, наращиванием которых занимался последние лет пять. И выглядел он комично, словно мультяшный герой. Его маленькая голова сидела на тонкой шее, а широкие плечи придавали этому всему ещё более нелепый вид. Я поджала губы, чтобы он не заметил мою улыбку, и, проглотив его колкие слова, сложила листочек в несколько раз.

– Тогда я стану худой и скучной, – ответила я, положив на свою тарелку ещё ложку вкуснейшего салата с курицей. Смерив меня пренебрежительным взглядом, муж налил себе стопку текилы. Я искоса следила за ним и молилась, чтобы он выпил штук пять таких стопок и зава-

¹ Геалта – избранная наречённая.

² Тень – становится близким человеком для Альфы. Они проходят вместе школу, и Тени всегда находятся рядом. Тень приносит клятву в Храме на Алтаре Броля, после чего между Альфой и Тенью появляется ментальная связь. Тени чувствуют эмоции Альфы и его боль. Тень клянётся, что будет верен Альфе и его жизнь навсегда принадлежит Альфе.

лился спать. Тогда мне не придётся весь вечер слушать его нытьё, которое перетекло бы в очередной скандал с рукоприкладством.

– Ох, Ди, – мечтательно вздохнул мой благоверный и плюхнулся на диван. – Помнишь, на школьном выпускном я мог одной рукой обхватить твою талию? – Он закрыл глаза и страдальчески вздохнул. – Я думал, что сорвал куш, а спустя столько лет получил вот это, – он указал пальцем на меня и плеснул себе ещё алкоголя. А я думала, что выхожу замуж за хорошего парня, а не того, кто любит махать кулаками.

Непрошенные слёзы подкатили к уголкам глаз, горло сковало стальным кольцом обиды, но я зажмурилась и шумно выдохнула. Я не буду портить себе настроение в такой волшебный праздник. Я знала, этот Новый год будет другим, совсем не похожим на мою прежнюю жизнь.

Иногда мне было жаль мужа. Он застрял в ловушке, из которой не знал, как выбраться. Джек был из тех людей, кто всегда опирается на общественное мнение. Ему важно быть и выглядеть лучше, даже если он полное и безапелляционное дерьмо. Джек женился на мне, потому что мой отец был судьёй с большим будущим, мама работала советником в городском совете, а я была вишенкой на его торте – подающая надежды будущая звезда юриспруденции. Так пожелали родители. Они хотели для меня многого: полезных связей, безропотности и подчинения. И я была такой, пока отец не втянул меня в грязное дело, из-за которого я чуть не лишилась своей лицензии адвоката. Отец не испытал из-за этого инцидента не то что вины, даже укола совести. Он и мама считали, что ради семьи, ради её успеха и блеска в обществе нужны жертвы. И в этом нет ничего предосудительного.

Родители отказались от меня, когда я ушла с практики в ведущей юридической фирме Коле, сдала внаём пентхаус в двести квадратов с террасой и вернулась в Блойдшир, открыв на пару с подругой ветеринарную клинику. Тем самым отдала дань своему деду, который научил меня любви и человечности и хоть чему-то полезному в этой жизни. Например, стрелять по движущейся мишени или лечить животных. Я мечтала быть нужной и полезной, хотела делать что-то важное и значимое, но волшебства не случилось. И клиника не приносила много прибыли, а только отдаляла меня от свободы.

Мои родители не мечтали видеть свою единственную дочь всю жизнь выводящей блох у бездомных кошек. Джек остался меж двух огней: мной, не желающей подчиняться воли родителей даже под страхом лишения наследства, и большими надеждами касательно своего будущего, которого он надеялся добиться без больших усилий с помощью моих родителей. Джек не терял надежды и был оптимистом. Что странно для него. Он был уверен, что однажды я вернусь в лоно семьи.

Были периоды, когда я хотела вернуть себе родителей. И однажды Джек подсказал мне способ. Мне всего-то и нужно было родить ребёнка. Так просто и невозможно для меня. Бесплодие неясного генеза – вот какой был диагноз. И я, ведомая Джеком и его убеждениями, что ребенок – это волшебное средство, которое спасет нас, наш брак и мои отношения с родителями, согласилась на радикальные меры. Совершенно захваченная этой новой недостижимой идеей, я носилась в клиники, меняла врачей, лила слезы над очередным отрицательным тестом. Совершенно упуская из виду тот факт, что я сомневалась и все время гнала от себя вопрос. Зачем? Зачем я это делаю? И когда результата не было, агрессия Джека в мой адрес увеличивалась в тройном коэффициенте.

Я старалась. Терпела боль. Обследования, уколы, поражения. И в этом всё я была одна. От меня ждали результата, но и здесь я не смогла стать образцом. После восьмой попытки ЭКО и очередного курса уколов и гормональных таблеток я поняла, что больше не могу. Когда я отказалась от ещё одного «последнего раза», Джек устроил скандал, а после пропал на несколько дней. Глубоко внутри себя я надеялась, что он не вернётся. Мы давно себя изжили. Наш брак был ошибкой с самого начала, но по юности я думала, что это моя гавань, что

он меня не будет критиковать, пытаться исправить, скроить под шаблоны. Все мои воздушные замки рухнули, и уже давно. И да, я сама виновата в том, что жила не с тем человеком.

Я хотела освободить Джека от этого брака, от себя и сожалений, которые он испытывал после очередной оплеухи, отвешенной мне. Для него это стало нормой – наказывать меня за его неудавшуюся жизнь. Ведь это правда невозможно, и тяжело приходит каждый вечер домой к человеку, которого ты ненавидишь, к тому, кто вызывает у тебя тошноту, и от бессилия ты ищешь способ заглушить постигшие тебя разочарования...

ГЛАВА 1

Конец января 2011 года, ветеринарная клиника в Блойдшире...

Вода в чайнике закипела. По моему кабинету распространился запах растворимого кофе. Ученые говорят, что это самовнушение и кофе не бодрит. Оставим эту теорию им на откуп. Напиток обжигал. Крепко держа в руках чашку, я вспомнила о шоколадке в столе у девочек в приёмной. Не найдя там лакомства, отвлеклась на буран за окном.

Порывы ветра швыряли снег в стекло, и я невольно поёжилась. Моя старенькая «Хонда» уныло стояла под мерцающим светом фонаря, который качался из стороны в сторону. Старый фонарь, можно сказать, исторический.

Деревянный столб с чугунными скобами и следами множества вбиваемых в полотно гвоздей. Светильник в форме шляпы с прямыми полями причудливо освещал желтоватым светом лишь небольшой участок земли под собой и капот моей машины. В самом плафоне раз в месяц приходилось менять лампочку. Администрация несколько раз предъявляла мне предупредительные документы о его сносе, но я доказывала, что это историческая ценность города, и его оставляли на месте. Борьба с администрацией была смешной, ведь администрация – это моя мать. Фонарь отключили от общей сети два года назад, но я нашла электрика, который запитал его от моей клиники. Некрасивый, из неровного, плохо обработанного бревна столб, светильник с внушительными вмятинами. Но, несмотря на любую непогоду, столько лет он прочно стоит на своём месте, выполняя свою функцию. Этот фонарь словно был символом меня или моей жизни. Он так же яростно вгрызался в эту землю, чтобы твёрдо стоять на ней.

Засмотревшись на качающийся фонарь и мечущийся в луче света снег, я моргнула и отошла чуть дальше от окна. Мне причудилась тень, мелькнувшая слишком быстро и стремительно. Напрягая глаза, я пыталась разглядеть в метели хоть что-то. Замерла. А через секунду отскочила от стекла. Кофе выплеснулся мне на руку. Не удержав кружку, я выронила её, и она с громким стуком приземлилась на плиточный пол, разлетевшись мелкими осколками. Чьё-то тело глухим ударом врезалось в окно и опять исчезло в темноте. Испуг всё ещё трепетал у меня в груди, и пульс вторил ему. Стекло ограничивало видимость. Я засомневалась в том, что видела, и всё же решила проверить. Выскочив на улицу, щурясь от колкого снега, не раздумывая ни секунды, побежала к окну.

В сугробе, припорошенный снегом, лежал парень с голым торсом и босыми ногами. Хорошо, что хоть в брюках. Действуя на инстинктах, подхватила его под мышки и потащила в клинику. Он издал протяжный стон.

– Давай, здоровяк, – прокряхтела я, – помоги мне немного.

Его длинные ноги сгребали снег на нашем пути, тем самым замедляя движение. Парень напряг все силы, и мы вместе почти доползли до порога.

– Еще чуть-чуть, – пропыхтела я со сбившимся дыханием. – Тебе больно, я знаю, ты только не отключайся, – говорила я с ним, подбадривая как могла.

Он был в полубессознательном состоянии, кажется, на последнем дыхании он напрягся, и мы перевалились через порог. Я завалилась на пятую точку. В боку кололо, а в груди от холодного воздуха неприятно щемило. Высокий и широкоплечий мужчина не шевелился. Выбравшись из-под тяжёлого мужского тела, я закрыла входную дверь на ключ и вернулась к осмотру пострадавшего. Перевернула парня на бок. На спине в районе лопатки обнаружила пулевое ранение. Если нет сквозного, значит, пуля еще в теле. Врачеванию меня обучал дед. Они с друзьями часто попадали в передряги. Ферма деда была далеко от города, и мы обходились своими силами. Я видела разное, и пуля – это не самое страшное.

На полу появились разводы крови. Где-то есть ещё ранение. Мужчина дышал учащённо. Оставив его на полу в приёмной, я сбегала в свой кабинет за пледом. Своими силами я его не подниму. Расстелив плед, не без усилий перекатила на него раненого. Резко дёрнув плед на себя, чтобы заставить вес скользить по полу, спровоцировала тем самым стон, вырвавшийся из горла мужчины.

– Извините, – промямлила я. – Я не хотела. Наверное, нужно было вызвать скорую, – продолжала я говорить с ним. – Но не уверена, что кто-то доедет сюда в такую метель. – Плед хорошо скользил по полу. Главное – не останавливаться. В одном из приёмных кабинетов была койка для крупных пород собак. Для этого здоровяка маловата и узковата, но это лучше, чем ничего. У меня есть всё необходимое для оказания ему первой помощи. Прodeв под грудью мужчины ремни от подъёмного лифта, зажмурилась, выдохнув. Я боялась, что у подъёмника не хватит сил сдвинуть его с места. Тогда придется оперировать на полу, а это не самый удачный вариант. Мотор зарычал и с натугой начал поднимать мужчину в воздух. Через несколько минут он лежал на койке.

Срезав с него джинсы, в бедре я нашла ещё одно ранение. На секунду я задумалась, сколько ему ввести лекарства. Прикинув, что его вес чуть меньше, чем у трехмесячного телёнка, вколола шприц в мышцу. Приготовив перчатки и инструменты, принялась за работу. Пуля в спине застряла в лопатке, раскрошив её часть на мелкие кусочки. В ноге ранение было сквозное. Чтобы добраться до пули в лопатке, у меня ушёл час. Пот стекал у меня по вискам. Я пыталась следить за дыханием и сердцебиением пациента одновременно.

Через три часа непрерывной работы я поставила пострадавшему капельницы и смогла выпрямить спину. Разогнувшись и пройдясь по операционной, прохрустела затёкшей шеей. Я не верила, что только что провела операцию человеку в ветеринарной клинике. Накрыв парня, а это был молодой парень, навскидку лет двадцать пять, одеялом, я присела на стул и подкадилась к койке. Пульс пациента выровнялся, он ровно дышал, и мне осталось только ждать.

Раздававшиеся голоса в приёмной разбудили меня. Оторвав голову от кушетки, беглым взглядом оценила состояние пациента. При свете дня стало понятно, что молодой парень очень симпатичный. Даже слишком. Отбоя от девчонок точно нет. Точёные скулы, слегка смуглая кожа, как будто он только вернулся с пляжного отдыха. Милые тёмные кудряшки вихрились на макушке.

– Боже, что тут произошло? Ди! – Мой партнер и по совместительству единственная подруга Бэтти обеспокоенно звала меня, идя по коридору.

– Со мной всё хорошо! – охрипшим голосом сообщила я.

– Что тут... – Секундная заминка подруги в её обычном словесном водопаде была непривычной. – Чёрт! – выйдя из-за моей спины, прошептала она. – Кто это?

– Если бы я знала, – вздохнула я. – Мне нужен кофе, только он приведёт меня в чувство. И душ, я воняю как выгребная яма. Мэри! – протянула я, зовя помощницу.

– Да, миссис Кэпвел! – На медсестре была милая форма нежно-розового цвета с изображением Поночки из мультфильма «Утиные истории».

– Проследи за нашим гостем, – улыбнувшись ей, попросила я, выйдя из операционной.

– Ди! – сдерживая свои порывы, Бэтти не напирала. Я видела, с каким трудом ей это даётся. Она напоминала воздушный шарик. Если она ещё наберёт воздуха в себя или проглотит ещё один вопрос, то точно лопнет. – Что здесь произошло? Это твой любовник? Джек узнал о вас и пальнул в него? – тараторила она. Ухмыльнувшись, я зашла в свой кабинет, сняла с вешалки длинное пуховое пальто и надела шапку.

– Дороги почистили? – наматывая шарф, спросила я. Меня забавляло меняющееся выражение на её лице. От дикого восторга и предвкушения до озадаченного и вопрошающего.

– Д-да-а, – заикаясь, протянула она.

– Я домой. Приму душ, поем и вернусь, – надевая на ходу броню из мембраны и пуха, сообщила я ей свой план, глотая на ходу обжигающий черный напиток.

– Лучше поспи. Выглядишь дерьмово! – заявила она. Моя милая Ти, как всегда, добра ко мне.

– Миссис Кэпвел, – позвала меня из коридора медсестра.

– Да, Мэри, – я выглянула из дверного проёма.

– Нулевой пациент, – она была слегка растеряна, а глаза расширены. – Пытается подняться. – Я выскочила из кабинета и понеслась по коридору. Молодой человек отсоединил капельницы и пытался встать на ноги, но его слегка вело.

– Далеко собрался, красавчик? – спросила я, упираясь рукой в его плечо, пытаюсь предотвратить его глупые попытки подняться.

– Спасибо за констатацию факта, – хрипло пробасил он, улыбаясь. – Мне уже лучше, – он деликатно отодвинул мою руку в сторону. – Не подскажите, где я?

– Ди, – выглянула из-за моего плеча Бэтти, – ты ничего ему не вкалывала?

– Кроме обезболивающих, ничего. Вам лучше прилечь. Я трудилась над дырками в вашем теле больше трех часов. – Он замер полусидя на койке и внимательно на меня посмотрел. – Имейте уважение к чужому труду. Ваши швы могут разойтись, и мне опять придётся работать, а у меня на это нет времени.

– Так это вы меня штопали?

– И не собираюсь заниматься этим еще раз. – Толкнув его в плечо, я намекала, что ему нужно лечь. Он странно улыбнулся, затем как-то по-звериному повёл носом по воздуху и без споров вернулся на койку. – Сейчас мне нужен душ и горячий завтрак. Лежите смирно пару часов, а после мы поговорим.

– А мне можно с вами в душ? – нахально улыбаясь, заявил парень на весь кабинет, совершенно не смущаясь присутствующих людей.

– Для начала начните ходить на своих двоих, – вздохнула я.

– Так для душа ноги не нужны, – весело заметил он. Я вздернула бровь вверх. Ти приснула от смеха за моей спиной.

– Тебе не помешал бы такой душ, – очень громко и с заботой в голосе зашептала Бэтти мне в ухо. Совершенно точно зная, что все в кабинете слышат, что она говорит. – Быстро, качественно и без обязательств, – добавила она ещё перца мне на голову. Губы молодого человека разъехались в широкой улыбке.

– Утомись, Ти. А если у тебя свербит где-то, так примени свой совет на себе, – успокоила я подругу и развернулась, чтобы уйти.

– У меня есть муж! – воткнула она мне в спину.

– Так и у меня есть, – пробурчала я себе под нос, удаляясь от странной компании и не менее странной ситуации, в которой я оказалась.

– А твой только на бумажке, – крикнула подруга мне вдогонку.

ГЛАВА 2

Выйдя на улицу, пнула со всей силы сугроб. Ти всегда зрела в корень и никогда не была на моей стороне в браке с Джеком. Даже в день свадьбы она пригнала машину к чёрному ходу в церкви и умоляла меня бежать, приготовив мне триста баксов на первое время. Но я не могла. Примерная и послушная дочь всегда делает так, как говорят родители. Наручные часы говорили мне, что если я перестану себя жалеть, я всё успею.

Успею вернуться на работу ещё до того, как Джек проснётся. Не придётся объясняться с ним в который раз. И, возможно, удастся избежать наказания за моё очередное отсутствие дома.

Это так удобно – прятаться за стенами работы, за срочными пациентами, вызовами, операциями. И ведь цель благородная. Никто не может обвинить меня в жестокости или бессердечности. Ведь всё на благо народа, города и животных. Да, я хитрая и изворотливая, не промах. Джек ленился приезжать на разборки в клинику. Девочки всегда были на моей стороне и готовы меня отстоять. Особенно Ти. У её мужа, тренера по боксу, кулаки давно чешутся вмазать Джеку хорошенько. С тех пор, как он случайно увидел синяки у меня на спине. Я его останавливаю каждый раз мольбами не связываться с моим мужем. Джек каждый день обедает с прокурором города и мэром. Он успешный юрист, и это не тот человек, которому нужно бить лицо.

Я больше не могла находиться рядом с мужем. Я задыхалась даже от его взгляда, блуждающего по моему телу. Мне хотелось скукожиться, спрятаться, как устрице, и не видеть его водянистые глаза, наполненные яростью. Он с ювелирной точностью убивал во мне всё светлое и хорошее, любое человеческое чувство в отношении его. Каждый день нашей совместной жизни.

Моя машина легко завелась, и я расстроилась. Глубоко внутри себя я хотела остаться тут в грязной, пропитанной кровью форме, пахнувшей моим потом. Только бы не чувствовать запах опостылевшего дома и мужа. Не слушать храп Джека, не ощущать его рук на своем теле.

Дома было невыносимо всё, что Джек делал, даже как дышал и жевал. Порой были дни, когда он особенно меня выводил, и я рисовала в своей голове картины, как отрезаю ему пальцы, нос или уши, как он кричит, как умоляет простить его. И мне на несколько минут становилось легче, и я могла переносить его присутствие рядом.

Но вся эта история с прекрасным браком затянулась на моей шее слишком туго. Под прикрытием благопристойного мужа и ответственного гражданина общества Джек творил гадкие, вещи. Он издевался надо мной, как мог, мстя мне за его неосуществившиеся планы. С жестокостью садиста и психопата он планомерно ломал меня, делая безвольной амебой, сносящей все побои, тычки и претензии. В последний год от моей безвольности даже ему стало скучно, и Джек резко прекратил свои издевательства над моей душой и телом. И в этот период я смогла собрать себя по крупицам и второй раз в своей непутевой жизни стать смелой. Я приняла решение. Пусть и так долго к нему шла.

Документы на развод были уже у меня, и я их подписала. Жёлтый конверт лежал в ящике рабочего стола. Я осознанно оставила Джеку дом, клинику переписала на лучшую подругу Бэтти. У меня ещё не было чёткого плана, куда я отправлюсь, но я знала, что это будет здорово. Я уже предвкушала ощущения свободы, ветра в моих волосах, тепла яркого солнца на моей коже, мягкой постели в шикарном отеле и вкусного завтрака с мимозой в одиночестве.

Машина Джека, погребенная под белой снежной массой, стояла на подъездной дорожке. Он ещё не пытался выйти из дома. Припарковавшись на проезжей части, тихо вышла из машины и через черный ход вошла в дом. В подвале у нас была гостевая спальня с ванной

и прачечной. Это было спасением для меня. Это ограждало меня от столкновения с Джеком. Я незаметно приходила и уходила. Приняв душ и переодевшись, я так же тихо вышла из дома, и поехала обратно в клинику.

Сегодня у меня в графике пара плановых операций и несколько постоянных пациентов. Солнце, неожиданно выглянувшее из-за низких облаков, заставило снег искриться и переливаться, как россыпь драгоценных камней. В такие дни было приятно ездить по пустым дорогам. Никто не торопился садиться за руль, опасаясь заносов и ненакатанной дороги. А мне нравилась пустая дорога. Можно говорить о чём угодно или ругаться любыми словами, подпевать во весь голос или вообще ни о чём не думать.

Мой путь внезапно закончился. Я даже толком и насладиться не успела. Парковка клиники появилась слишком неожиданно, и меня разрывало дикое и необузданное желание проехать мимо и не оглядываться.

Всё же, притормозив и зарулив под свой столб, я не сразу вышла из машины. Я видела очертания Бэтти в окне. Она ждала меня, и её нетерпение читалось во всём её маленьком изящном теле. Упав лбом на руки, крепко держащие руль, я опять вернулась в свою фантазию, где нет этого всего сюрра. Где я – это просто я, прогуливающаяся по парку, читающая книгу. Но фантазия так далека от реальности.

В моем плане куча дыр, и как их закрыть, я пока не знала. Вдохнув и выдохнув, я всё же вытолкнула себя из машины.

– Ди! – Как только я переступила порог, Бэтти налетела как коршун. Схватив меня за руку, потащила почти волоком в свой кабинет. Я не успевала передвигать ногами. – Ты уверена, что с тем парнем всё нормально? – зашипела она, впихивая меня в узкую щель едва приоткрытой двери.

– Надеюсь. Кажется, я извлекла все осколки костей. Возможны небольшие выделения, но при таких ранениях это норма, – сообщила я ей, повесив пуховик на вешалку, и включила кофеварку, которая была только у неё в кабинете.

– Я не об этом. Когда ты уехала, я вернулась в палату, и он настойчиво пытался уйти. Даже угрожал, – она задумалась. – Ну, не совсем угрожал, скорее порывкивал, – хохотнула она и мечтательно вздохнула.

– И что ты сделала? – насторожилась я.

– Вколола ему седативные.

– Ты сошла с ума? – воскликнула я и поторопилась выйти из кабинета.

– На его теле нет никаких следов от ранений, – зашептала Ти, прикрывая дверь и подпирая её своей спиной.

– Ты шутишь?

– Ты вчера что-то приняла? – Бэтти внимательно посмотрела в мои глаза, словно пыталась найти там следы моего преступления. – Ты разрешила здорового человека, а потом его зашила! – припечатала она меня к полу своими выводами. Мой рот распахнулся от шока.

– Что? Я что, по-твоему, заканчивала смену под... – Я отодвинула подругу в сторону и быстрым шагом направилась в операционную. Распахнув дверь, обнаружила весь персонал, сидящий вокруг кушетки, на которой восседал молодой человек, улыбающийся, загорелый, словно только сошедший с плаката рекламы нижнего белья девяностых. Он что-то быстро уплетал за обе щёки, а все вокруг него улыбались, жеманничали и хлопали ресницами.

– Что здесь происходит? – на высокой ноте спросила я. Девочки повскакивали с мест.

– Миссис Кэпвел, – прошептала старшая медсестра Мэри и выступила немного вперёд. – Простите, вы велели присматривать за Льётом. – Мои брови поднялись вверх.

– Прошу всех вернуться к работе, – потребовала я. Раздались тихие шаги и лёгкие смешки, и в кабинете остались только мы вдвоём. Даже Ти, испугавшись моего тона, исчезла. –

Как ваше самочувствие? – обходя по кругу койку и пытаясь незаметно заглянуть за спину пациента, полюбопытствовала я.

– Хорошо, спасибо, – быстро ответил парень. Он следил за каждым моим шагом, движением рук и даже взглядом. – Нас не представили, – он поднялся на ноги, возвышаясь надо мной, и протянул большую широкую ладонь. – Льёт, – улыбнувшись, озвучил он.

– Льёт, а дальше!? Или это лишняя информация?

Он ухмыльнулся.

– Бакер, Бакер Варро Льёт.

– Ваши предки из знати? – уточнила я. И Льёт не смог скрыть улыбку.

– Согласен, очень пафосно. Но таковы вековые традиции моего рода. Кто я, чтобы их нарушать?

– Нет, очень необычно и... – Я боялась сказать неверное слово и случайно оскорбить человека.

– С напылением средневековья?

– Я бы сказала, с огромным слоем. – Он засмеялся, ровные белые зубы были ослепительны. – Так что же с вами приключилось и каким волшебным образом весь мой персонал влюблён в вас?

– А вы нет? – улыбнувшись уголком рта, спросил парень.

– У меня слишком притязательный вкус, – сразу расставив точки, заявила я. Льёт медленно, даже текуче сократил расстояние между нами.

– И я под него не подхожу? – Он говорил, растягивая слоги, не сводя с меня светлоголубых глаз, настолько светлых, что казалось, они светятся изнутри. – М-м-м? – протянул он, шумно втянув носом воздух возле меня.

– Вы просто пациент, – я отвела взгляд в сторону и отступила на несколько шагов от парня. – Давайте я вас осмотрю. – Молодой человек напрягся и изменился в лице.

– Не нужно, со мной уже всё хорошо.

– Может быть, кому-то позвонить? Чтобы вас могли забрать, – задавала я привычные вопросы, чтобы облегчить ситуацию парня. Он же опять поймал мой взгляд и начал наступать на меня.

– Дяде, я напишу его телефон. – Когда он заговорил, я опять ощутила странную вибрацию вокруг себя и сморщилась. Ощущения были крайне неприятными, как при ознобе во время гриппа.

– Думаю, спрашивать, каким образом на вас всё зажило так быстро, тоже не имеет смысла? – Он наступал по-звериному плавно и выжидательно. Мне стало неудобно от его пристального немигающего взгляда.

– Зависит от того, как вы это спросите, – шёпотом произнес он. Между нами было ещё шага четыре, но я слышала каждое слово, словно он говорил мне это в ухо. Мне не нравилось то, что я ощущала. Встряхнув головой и зажмурившись, я начала мычать дурацкую мелодию. Я так часто делала, когда мне нужно было отвлечься от происходящего вокруг.

– Что вы делаете?

Постояв так пару секунд, я всё же открыла глаза. Молодой человек слегка отклонился назад, и на его лице отчётливо читалось недоумение.

– Пою, – обходя его по дуге, ответила я, направляясь к двери. – Позвоню вашему дяде и сообщу, где вы. Как его зовут?

– Кассий. Все зовут его Касс, – сообщил он мне и вручил уже подготовленную записку с номером телефона.

– Отдыхайте, вам это необходимо. – Плотно прикрыв дверь операционной, я направилась в свой кабинет. Станный молодой человек, и всё, что происходило со мной, когда я рядом с ним, напрягало меня. Интересно, а его дядя тоже с изюминкой? Всё ещё пребывая в этих

мыслях, я машинально нажимала кнопки на стационарном телефоне. Несколько длинных гудков, тишина и:

– Алло! – я услышала голос, и всё во мне оборвалось, сердце забилося, как у лани. Я забыла все слова и для чего и кому я звоню. Сжав трубку в руке, я часто задышала. – Я вас слушаю! – Мужской низкий баритон прокатился волной по моему телу, поднимая волосы дыбом. Облизав пересохшие губы, проговорила про себя то, что должна озвучить вслух.

– Мистер Кассий? Доброе утро, вас беспокоят из ветеринарной клиники, – я сглотнула вязкой комок. – Ваш племянник Лъёт находится у нас. – На том конце провода послышался шум. – Его немного потрепало, но я подлатала. – Отчего-то я непроизвольно хохотнула. Совершенно по-дурацки, словно я полоумная.

– Где находится ваша клиника? – От каждого звука, произносимого мужчиной, сонмы мурашек бежали по моему телу. Я не совсем понимала свои физические реакции. Наверное, я простыла вчера, когда затаскивала Лъёта в клинику?

– Мы находимся за чертой города Блойдшира это провинция Коле.

– Да, буду ждать, – и он положил трубку. Посмотрев на телефон, я не поняла: что это было? А где благодарность, и вообще – разве так заканчивают беседу? Грубиян!

В дверь постучали.

– Миссис Кэпвел, вас ждут в первой операционной, – голос Мэри вернул меня на землю. Посмотрев на трубку в своих руках, я хмыкнула себе под нос и отправилась работать.

Суетной и тяжелый день забирал все силы, мне казалось, что все, кроме меня, разумеется, взвинчены и перевозбуждены. Бэтти всё время лезла со странными вопросами. Вернусь ли я домой сегодня? Что я буду делать вечером? Останусь ли я сегодня на дежурство вместе с Мэри? Все мои мысли, помимо работы, были о молодом человеке, который находился в соседней операционной. Я знала, что никакие способности организма не позволяют так регенерировать. Может быть, у него есть какие-то супертаблетки, которые ему помогли? И что вообще произошло с ним? Откуда он пришёл и кто в него стрелял? Отработав весь день, перебирая в голове бесконечную череду загадок и отмахиваясь от Бэтти с её неисчерпаемыми вопросами, к концу смены я еле волочила ноги. Отпустив последнего пациента, я шумно выдохнула.

– Так ты поедешь домой? – спросила в сотый раз Бэтти, заглянув ко мне в кабинет.

– Ты, у тебя какое-то дело ко мне?

– Нет, с чего ты взяла?

– Ты весь день меня донимаешь. – Она немного замялась, и лёгкий румянец залил её щёчки-яблочки.

– Ты забыла?

– Что?

– Сегодня мой день рождения, – тихо произнесла она. Мои глаза расширились от ужаса, я вскочила на ноги и подбежала к подруге.

– Ты, я идиотка, прости меня! Прости, я заработалась, и это происшествие выбило все мозги, – притянув её в объятия, я принялась извиняться.

– Я не обижаюсь. Я знаю, ты много работаешь. Думаю, и про ужин в «Ришелье» ты тоже забыла. – Моё лицо горело от стыда. Уткнувшись лбом в её плечо, я готова была разрыдаться.

– Я съезжу домой за твоим подарком, переоденусь и приеду в ресторан. Идёт? – она кивнула и, отстранившись от меня, широко улыбнулась.

– Надеюсь, подарок шикарный? – шутя Бэтти стукнула меня маленьким кулачком в плечо.

– Даже не сомневайся, – уверила я подругу. – Позови, пожалуйста, ко мне Мэри.

ГЛАВА 3

Дав указания старшей медсестре, я поехала домой. Подъездная дорожка у дома так и не была почищена. В доме не горел свет. За весь день я даже не посмотрела, звонил ли он. Порывшись в рюкзаке, я поняла, что оставила телефон в клинике. По привычке зайдя в дом с чёрного хода, поднялась по ступенькам к нашей с Джеком спальне и замерла. Из комнаты доносились недвусмысленные звуки. Задержав дыхание и застыв, я не знала, что мне делать. Дверь была закрыта наполовину, и с этого ракурса вид был как в первом ряду кинотеатра. Мой муж занимался сексом с одной из наших общих знакомых. Мы жили с ней в соседних домах, и она лет на пять младше нас с Джеком.

– Джек, – с придыханием зашептала она. – Легче, мне так некомфортно, – она застонала, а мой муж замер над ней.

– Прости, детка, – его голос был совершенно иным. – Ты такая сексуальная, твоя грудь и бедра доводят меня до безумия. Ты стала слишком аппетитной.

Уличный фонарь, бросавший мягкий жёлтый свет в окно нашей спальни, позволял довольно хорошо рассмотреть влюблённую парочку в деталях. Джек отстранился от соседки, позволяя ей оседлать себя. От неожиданности я прикусила язык, ощутив вкус крови во рту. Аккуратный округлый беременный животик соседки выделялся в полумраке комнаты. Пол ушёл у меня из-под ног, впившись короткими ногтями в ладони, я пыталась не издать ни звука.

– Когда уже ты скажешь ей, что всё кончено? – слегка канюча, спросила она.

– Как только получу должность судьи, а я не получу её без поддержки прокурора. Я люблю тебя! Она лишь инструмент. – Джек поднялся на локтях, приблизившись к её лицу для поцелуя. – А ещё я не хочу, чтобы ей остались деньги и дом. Всё это появилось благодаря мне, я не хочу уйти ни с чем. – Девушка хохотнула и качнулась в плавном движении.

Я не могла вдохнуть и выдохнуть. Осев на ступеньках, пока двое в моей спальне любили друг друга, я старалась принять то, чему стала свидетелем. Звуки стали слишком громкими, до боли в перепонках. Запахи пота и чужих женских духов – невыносимыми. Всё ощущалось слишком резко и обрушилось на меня, как ледяной ливень. Сползая по ступеням нашего дома, я хотела только выбраться из этой камеры пыток.

Когда я перестала видеть что-то в Джеке, когда перестала получать удовольствие в нашем браке и открыла глаза? Когда всё превратилось в нескончаемую пытку? Когда мы уничтожили друг друга? После десятка неудачных беременностей, после растоптанных надежд, после унижений и оскорблений? Когда я стала трусом? Когда я позволила себя уничтожить как личность? На ватных ногах добравшись до машины, я поехала обратно в клинику.

Я не чувствовала ничего, кроме боли в груди. Я больше не могу и не хочу возвращаться в этот дом. Резко нажав на тормоз, распахнула водительскую дверь и перегнулась через порог, рвотные позывы не принесли облегчения, только усилили дрожь в теле. Боже, как я зашла настолько далеко в этом бреде? У меня не было злости к Джеку, я не хотела мести за потерянные годы, я хотела свободы, и Джек её хотел. И больше я не собираюсь ждать, это точка.

Я переступила порог клиники.

– Миссис Кэпвел? – воскликнула Мэри, подняв голову от журналов для регистрации лекарственных препаратов. В клинике было тихо и уютно.

– Никого?

– Пока нет, – она слегка улыбнулась. – Только звонила миссис Дорис, Уго опять залез в мусорный бак и наелся костей. Она волнуется, но мы договорились, что утром она привезёт его на осмотр. – Я согласно кивнула.

– Ты закончила с бумагами?

– Почти. Вы что-то хотели?

– Заканчивай и езжай домой, я сегодня подежурю.

Мне нужна тишина и мой мобильный, который лежал где-то в кабинете. Ни одного пропущенного звонка или сообщения от Джона, но куча от Ти. Чёрт, Ти! Выругавшись себе под нос, набрала её.

– Ти, – я слышала смех и голоса людей, им там было хорошо. При всём желании я просто не могла сейчас к ней приехать. Меня выворачивало наизнанку, даже губы тряслись. – Мэри вызвала меня с половины пути. Извини, – соврала я подруге.

– Я поняла! – она расстроилась.

– Я компенсирую, обещаю. – Она вздохнула в трубку. – Заедешь завтра к нам? В моем шкафу стоит коробка с большим бантом.

– Спасибо, но мне нужна была ты. – Я знала, что она хочет мне сказать. Догадалась уже давно, но ей никак не хватало смелости признаться мне. И я бы не огорчилась, услышав от неё радостную новость. Я была бы счастлива вместе с ней. Дети – это счастье.

– Я тебя люблю, и с днём рождения.

– И я тебя люблю, – услышала я в ответ и положила трубку. Открыв верхний ящик стола, вынула документы на развод. И, больше не медля, вернулась на ресепшн.

– Мэри, сможешь закинуть это в почтовый ящик, когда поедешь домой?

– Да, конечно, – согласилась она, забирая из моих рук увесистый конверт.

– Наш гость ужинал? – спросила я из вежливости. Глаза Мэри расширились от ужаса. Про него попросту забыли в дневной суете. – Собирайся и езжай домой.

– Да, миссис Кэпвел.

«Боже, помоги мне больше не быть миссис Кэпвел!» – взмолилась я.

Я надеялась, что слышу эту фамилию последний раз в своей жизни, и моё дежурство в клинике тоже последнее.

Заглянув в операционную, я рассчитывала увидеть страдающего от безделья парня, но он полулежал на кушетке и что-то увлечённо читал. Где он нашёл книгу?

– Ужинать будете?

– Я думал, у вас тут голод – определённая стадия лечения.

– Что заказать?

Льёт нахмурил брови и поднялся с кушетки.

– С вами все хорошо?

– Да, всё отлично. Так что заказать, пиццу или лапшу?

– А можно и то, и то? Дядя всё возместит, – он улыбнулся.

– Принесу телефон и буклеты. – Через пару минут я выложила перед ним всё на кушетку. – Заказывайте на двоих, у меня внеплановое дежурство. Адрес доставки – ветклиника на выезде. – Он не сводил с меня глаз и попытался дотронуться пальцами до моей руки. Отшатнувшись от него, я отступила.

– Что с вами?

– Всё хорошо, тяжелый день.

Горячая вода хлынула на жёлтый кафельный пол, и через минуту душевую заволокло паром. Сняв грязную форму и шагнув под тёплые струи душа, я подумала, что нужно было взять для Льёта одежду Джека. Форменные брюки в цветочек кого-то из медсестёр смотрелись нелепо на его длинных ногах и походили на бриджи.

Горячая вода намочила волосы, тело покрылось мурашками. Перед глазами стоял образ девушки, сидящей верхом на моём муже, с изящным округлившимся животиком. Как давно у них роман? Джек счастлив? Удушающее ощущение никчёмности встало комком в горле. Гадкие слова, которые мне говорил Джек, пронеслись в голове стрелой. После очередной неудачи с зачатием он злился всё больше, и его оскорбления всегда попадали в цель. Бестолковая,

неудачница, пустая, сирота при живых родителях, толстуха. Эпитеты всегда были разные, но такие правильные и подходящие к каждой ситуации.

Всхлипнув, я съёжилась, как намокший лист бумаги. Душ скрыл меня от мира и проблем, на которые я закрывала глаза слишком долго. Я спрятала себя в клинике, не желая видеть истину. И ведь не сказать, что я не предполагала, что Джек ходит налево. Догадывалась, и позволяла ему делать это, и многое другое, по совершенно простым причинам. Я не желала отпустить возможность перемирия с родителями путём жертвы. Я осознанно мучила себя в этом браке, чтобы они увидели, как ошибались.

Я слишком долго шла к этому шагу. Его нужно было сделать много лет назад, пять как минимум, или вообще не выходить за Джека. Как мне и советовала Ти. Она со слезами умоляла меня не торопиться, подумать, что Джек не мой человек. Но я не верила, мне казалось, что трудности, возникающие в нашем общении, мы преодолеем.

За восемь лет брака мы искалечили друг друга до отвращения. Может быть, Ти что-то знала про него уже тогда? Что-то гаденькое и мерзкое?

Забыть. Просто забыть и оставить этот багаж тут, в этом месте, и стать свободной. Вымывшись и одевшись в чистую форму с изображением «Тома и Джерри», вернулась в свой кабинет. В нижнем ящике рабочего стола у меня лежала хорошая бутылка рома. Выпивать плохо, заглушать стресс и эмоции алкоголем ещё хуже. Но, как говорил мой дед: алкоголь – это анестезия, позволяющая перенести операцию под названием жизнь.

Закрыв клинику, я выключила свет на вывеске, и фонарь над моей машиной погас. За окном опять разбушевалась метель. Ветер бросал мелкий снег, который метало во все стороны. В душе было так же гадко. Чем ближе я подходила к операционной, тем чётче ощущала аромат еды. Мой живот заурчал.

– Надеюсь, ты не трезвенник, и тебе уже можно выпивать? – подняв бутылку вверх, я вошла в ярко освещённую палату.

– Нет и да, – улыбаясь, ответил Льёт. Придвинув стул к койке, я поставила на неё два бумажных стаканчика и бутылку тёмного рома. Льёт вскрыл бутылку и плеснул в стаканы. – До дна! – Он стукнул стаканом о стакан, вручил мне сосуд, наполненный живительной влагой, и одним махом осушил свой. Я зеркально повторила его движения.

– Итак? – хлопнул он в ладоши. – Том и Джерри? – я опустила глаза на свою форму, словно видела её впервые.

– Да, люблю оригинальность. – Положив в рот жареную креветку в кляре, я зажмурилась от удовольствия. – Итак? – повторила за ним. – Что с тобой приключилось? Ты соблазнил чью-то дочь или жену? Или ты брачный аферист, и тебя выследила одна из жертв? – Он расхохотался, и был бесподобен в своей весёлости, кудряшки на его голове шевелились, как живые. Я непроизвольно улыбнулась.

– Ты кровожадная, а с виду и не скажешь, – он облизал пальцы и налил нам ещё рома.

– Хочешь напоить меня? – Мы сидели друг напротив друга, нас разделяла кушетка, заставленная едой.

– Тебе нужно расслабиться и выдохнуть. Обещаю тебя не трогать.

– Ой, напугал. Обещай больше не делать эту штуку с воздухом, – сболтнула я, и улыбка пропала с его лица.

– Какую штуку? – словно не понимая, о чем, спросил он.

– Пристальный взгляд, хриловатый голос, мурашки по телу. На меня эта магия вуду не действует, – взяв коробку с лапшой, я принялась перемешивать её. Льёт не сводил с меня напряжённого взгляда, он перестал жевать и замер. – Расслабься, я никому ничего не скажу, это, собственно, меня не касается, что бы это ни было. Только со мной не делай этот фокус больше, это крайне неприятно, словно у меня жар или что-то типа того, – я поёжилась, вспомнив ощущения, ползущие теплом по позвоночнику. – Думаю, твой дядя задержится. Началась

метель, дороги занесёт. Может, тебе лучше в отель перебраться? Завтра съезжу домой... – Я осеклась и прокашлялась. – ...В магазин, куплю тебе одежду. Извини за джинсы. Кстати, как так вышло, что всё зажило с такой скоростью? – У меня не было цели узнать личные тайны или секретную информацию, я пыталась отключиться от своих мыслей и подумать о чём-то невероятно классном.

– Не знаю, это у меня от природы, – прозвучал размытый ответ.

– А у дяди твоего тоже есть такая способность? – осушив стакан и принявшись за жареные баклажаны в кисло-сладком соусе, уточнила я.

– Да.

– Это невероятно. Никогда не слышала о чём-то подобном, – воскликнула я и зависла на пару секунд. – Но вас можно понять. То, что скрываетесь. Если люди узнают об этом, сразу попытаются выяснить, что это за способность и в каком гене произошла поломка. Люди всегда пытаются исправить то, что, по их мнению, не является нормой, – грустно улыбнувшись, заметила я. – Ты ничего не ешь, – я показала подбородком на кучу еды. Парень дышал через раз, его мышцы были напряжены, и жилы на шее натянулись. Он потряс головой, словно прогоняя туман из мыслей, и я опять ощутила горячие мурашки по телу. Это было непривычно, будто мне под кожу запустили тёплых змеек.

– Мы живём в коммуне, – внезапно выпалил он, и моя рука застыла на полпути ко рту.

– Да? Вы что-то типа староверов? – всё же донеся до рта кусочка баклажана, я принялась его жевать. – О-о-о, как же это вкусно, – пробормотала я, облизав соус с губ. – Попробуй, – предложила я и подтолкнула коробочку ближе к Льёту. – И много вас там живёт? Тебе нравится? – сыпала я вопросами, и тут мои глаза расширились от внезапной догадки. – Ты что, сбежал? А я тебя сдала?

Он опять засмеялся.

– Знаешь, ты очень живая, и твои эмоции, – он сделал паузу, – я бы их пил на завтрак и ужин. – Румянец смущения залил мои щёки. – Нет, я не сбежал. И мы не староверы. Мне нравится жить в коммуне. Там я свободен. Куда хочу, туда хожу, нет запретов, но есть правила, которые все должны соблюдать, для безопасности.

– Например, не трепать посторонним о том, где вы живёте?

– Да, но иногда мы делаем исключения из правил. – Он наконец-то расслабился и принялся за еду. – Нас там порядка двухсот человек. Дядя, которому ты звонила, что-то вроде мэра.

– Оу-у-у, важный человек, – с сарказмом сказала я. Парень свёл брови на переносице.

– Разговор с ним не задался?

– Нет, всё прошло хорошо. Он немногословен, и у него проблемы с прощанием. Или, учитывая его обязанности, он просто очень занят, – поджав губы, сделала заключение я, ощутив облегчение во всём теле. Пружина, сжимавшая меня ещё несколько секунд назад, разжалась, и змейки больше не скользили под кожей.

– У него просто проблемы с общением, – гоготнув, сообщил мне Льёт.

– И чем вы там занимаетесь? Как обустроен быт? У вас есть школа, больница, как обстоят дела с работой?

– Школа есть, маленькая, нам хватает. С больницей всё сложно, у нас был фельдшер, но он ушёл на пенсию, а его смена так и не пришла. Так что приходится мотаться в ближайший город, если что-то серьёзное. А занимаемся мы, – он пожал плечами. – Как в любой деревне, каждому найдется работа.

– Разделение труда, – подытожила я. – Так вы продаёте то, что выращиваете и производите? За счет чего существует коммуна? – сыпала я новыми вопросами, и мне в голову начали заползать нехорошие мысли. Это что-то типа секты, обрядовые рясы, хоровое пение какой-то

дичи, восхваляющей чертей, отказ от всего земного и пожертвование всего ценного, что у тебя есть, во благо коммуны?

– Наш прадед и его трое братьев купили землю в Африке. Начав её разработку, они наткнулись на жилы алмазов и золота. – Мой рот раскрылся от изумления, и креветка, зажатая между палочек, выпала на кушетку.

– Ты серьёзно? Это что же, как в «Охотниках за алмазами»? – прошептала я, будто боясь, что нас могут подслушать. Льёт вопросительно вздёрнул одну бровь. – Это роман французского писателя, – уточнила я.

– Я не знаю, о чём ты, но говорю чистую правду.

– Значит, в коммуне живут правнуки тех братьев?

– Ну, не совсем так. С годами примкнули люди, которые считали, что мы живём правильно, что прививаем детям правильные ценности, и, видя наш устрой, оставались у нас жить. Мой дядя приумножил капитал, руководит финансами и бюджетом. – Он замолчал.

– А тех, кто уехал, нет? – не веря в такую сказку, спросила я.

– У нас не тюрьма, – улыбнулся он. – Конечно есть. У кого-то меняются взгляды, или они видят для себя другой путь, никто никого не держит, свобода выбора и ничего больше.

– И где она находится? – Льёт уже набрал воздуха в грудь, чтобы мне ответить. – Нет, лучше не говори, – остановила я его. – Иначе меня убьёт непреодолимый соблазн съездить и проверить, ещё останусь навсегда, – улыбнулась я.

– Твой муж так легко тебя отпустит?

– Мой муж давно интересуется другой жизнью, и ему нет абсолютно никакого дела до того, где я нахожусь, – с горечью ответила я. – Сегодня я видела, как он в нашем доме занимался сексом с соседкой. – Я сглотнула горький комок. – И она глубоко беременна. Нужно было ещё в прошлом году отправить в суд документы на развод, – пробормотала я себе под нос, и, сказав это вслух, я словно смирилась и приняла тот факт, что поставила точку. Молодой человек слишком внимательно и пристально смотрел на меня. Я ощущала его взгляд, не блуждающий по телу, а словно пытающийся забраться мне в голову и прочесть мои мысли.

– Значит, ты свободна? – отправляя в рот креветку, равнодушным тоном спросил он.

– Развод – формальность, свободна я уже года четыре или около того. – Про себя я отметила, что очень откровенна с незнакомцем. Совершенно точно это вина рома, а ещё тот факт, что мы видимся с ним первый и последний раз. Почему не провести сеанс психотерапии?!

– Четыре года – долгий срок.

– Да. Самое время для самокопания.

– Почему ты столько ждала? – Логичный вопрос. Я пожала плечами.

– Так было правильно. Нужно. А что подумают люди? – ухмыльнулась я. – Если бы в двадцать мне дали все знания, что у меня есть сейчас... – прервала я поток мыслей. – Нет, я точно знаю, что не была любима, не было страсти, дикого желания, толкающего тебя в бездну безумия. Я как-то всё это перепрыгнула и окунулась в ожесточённую войну с бесплодием и возможностью для нашего брака. Я ненавидела себя за это. Ненавидела себя за то, что не могу дать жизнь. Не могу вывернуться наизнанку или встать на голову, но зачать этого ребенка. Ненавидела за то, что я не такая, как им нужно. Меня убеждали, перекраивали, подгоняли под стандарты, и больше от меня ничего не требовалось. Не быть верной или умной, забавной, надёжной, вообще хоть какой-то, главное – не выделяться и быть благоразумной. – Горькая слеза скатилась по щеке. – Я вела борьбу со своей тенью или лучшей версией себя.

– Вот это тебя прижало, – заключил Льёт, и я хохотнула. Несмотря на свою обычную замкнутость, с ним я смогла расслабиться и открыться.

– Как ты снимаешь стресс? – задал странный вопрос Льёт.

– О-о-о, у меня особое увлечение, – мои губы изогнулись в ухмылке. – Гонки, – прошептала я и поиграла бровями.

– В смысле, ты наблюдаешь?

– Нет, я водитель, – ответила я, с удовольствием наблюдая недоверие, отразившееся на его лице. – Не веришь? – нагнулась я к нему ближе.

– Конечно, нет.

– Хорошо, – я вскочила на ноги и понеслась к выходу.

– Ты куда?

– Доказать тебе, что я не лгу, – бросила я через плечо. Выскочив на улицу, где уже улеглась метель, я горела предвкушением и трепещущим в животе триумфом. Подняв голову к тёмному небу, я глубоко втянула стылый воздух и выдохнула клуб пара. Где-то в стороне раздался хруст дерева, обернувшись на звук, я застыла. На меня смотрели ярко светящиеся то ли белым, то ли зелёным глаза. Большой волк, прижимая голову к земле, скаля белоснежные зубы, надвигался на меня, из его пасти доносилось утробное рычание, он периодически облизывал розовым языком кончик носа, шерсть на холке встала дыбом.

– Не двигайся, – раздался голос Льёта за моей спиной.

– Ты шутишь? Я ветеринар, уметь общаться с животными моя профессия. Он, наверное, голодный или ранен, – я пошевелила руками и добилась только ещё большего рычания. – Ладно, дружок, не рычи, я ведь хочу помочь тебе, – заговорив елейным голосом, я попыталась сделать шаг в его сторону. Волк отступил.

– У тебя тут как мёдом намазано.

Я выпрямилась и не задумываясь повернула голову к Льёту.

– Что? – переспросила я, но ему не пришлось отвечать. На меня наступали ещё два волка. Внутри меня всё рухнуло. В юности я видела подобное пару раз, когда волки задирали одну овцу из стада деда. Они окружали, сужали круг постепенно, и к моменту, когда зубы волка впивались в шею овцы, она уже была мертва от сердечного приступа. Я, конечно, не глупая овца, но сердце в груди подпрыгнуло. – Льёт, медленно отступай и прячься в клинике, я отвлеку их на себя, – прошептала я, стараясь не двигаться.

– По-твоему, я брошу тебя тут, а сам позорно спрячусь за дверь?

– Я разберусь, иди.

– Даже не подумаю.

Волки как по команде начали наступать на меня. Инстинктивно я отступила назад и, поскользнувшись, рухнула на спину. Для диких животных это был знак атаки. Добыча ослабла, можно нападать.

Льёт попытался меня поймать ещё в момент падения и закрыть собой от острых белых зубов. Всё происходило как в замедленной съёмке. Кто-то цапнул меня за ногу. Льёт, повернувшись лицом к волкам, оцетинился. Я ощутила, как его тело вибрирует, из его горла извлекались звуки, похожие на звериное рычание. Одной рукой он упёрся в снег, сгорбил спину и вытянул шею вперёд. Вторая рука держала меня на весу, не позволяя коснуться снега. Каждое движение происходило за доли секунды, но я, словно камера-паук, видела эту странную сцену с разных ракурсов. Внезапная острая боль пронзила мою икру, и я вскрикнула. Льёт отвлёкся от волков и посмотрел на меня, в его глазах был такой же блеск, как у волка, что напал первым.

– Кажется, я перебрала с ромом, – хохотнув, заметила я. – Но у тебя светятся глаза. Ты в курсе? – промямлила я, не сводя удивлённого взгляда с его глаз, напоминающих свет луны или саму луну. – Нет, я определённо перебрала... – Ногу пронзила новая боль. Десяток иголок воткнулся в конечность. Льёт повёл носом по воздуху.

– Ты ранена, – уверенно сказал он.

– Меня не первый раз кусает собака... волк, – поправила я себя. Льёт подхватил меня на руки, как будто я ничего не весила. – Не двигайся, – испуганно воскликнула я.

– Расслабься, все поджали хвосты и сбежали в лес.

– Развлекаешься? – Лъёт развернулся, а у меня все волосы на теле встали дыбом от услышанного голоса. Высокий мужчина стоял, широко расставив ноги, твёрдо упираясь в снег, его прямая спина и широкие плечи завораживали.

– Лейф! – невозмутимо поприветствовал его Лъёт. Лейф? Кто такой Лейф? Я открыла рот, чтобы спросить, но мужчина мне не позволил.

– Лъёт! – рокочуще отозвался он. Лъёт перехватил меня плотнее и прижал к своей голой груди, слегка отворачивая от незнакомца. – Ты готов?

– Нет, – резко ответил Лъёт и стремительным шагом направился в клинику. Обернувшись, я наблюдала за напряжённой спиной мужчины и молилась, чтобы он пошёл за нами. Необузданное и дикое желание посмотреть на него при нормальном освещении почти вынудило меня крикнуть ему: «Эй, идём с нами!»

Лъёт усадил меня на кушетку. Штанина пропиталась кровью.

– Что за чёрт? – вырвалось у меня. Место укуса опухло, там, где были проколы от клыков, кровь пузырилась, а синяя кожа привела меня в лёгкий шок. – Кажется, у него инфекция? Может, бешенство, поэтому они и вышли к людям? – накидывала я варианты, чтобы мозг начал работать и я поняла, что мне делать. В дверях мелькнула тень.

– Что случилось? – У меня побежали мурашки, как во время телефонного разговора. И я поняла, что сегодня разговаривала не с Кассом, а с этим мужчиной.

– Ничего особенного. Хорошая обработка и курс антибиотиков – и всё пройдёт, – я подняла глаза, и мы столкнулись взглядами. Это было как провидение. Я забыла, как меня зовут, где я нахожусь, воздух из комнаты исчез. Весь мир померк. Я видела только его светлые, почти белые зрачки. А такие вообще в природе существуют? Он не моргал, не дышал, не двигался, словно смотрел мне в самую душу и видел там меня. Вокруг нас возник вакуум. Он моргнул, и меня выкинуло в реальность – и я будто ударилась о бетонную стену. Мужчина повёл носом – я слышала, как он втягивал воздух, – а после спешно отступил на несколько шагов. Его глаза не шарили по моему телу или месту, где мы находились, они смотрели на меня. В меня.

– Лейф? – откуда-то издали раздался голос Лъёта. – Лейф? – Мы с мужчиной продолжали неразрывно общаться глазами, и возникшая между нами фигура Лъёта прервала наше странное общение. По кабинету прокатилось рычание. – Лейф, – Лъёт поднял руки вверх, словно сдаваясь. – Я отхожу. Видишь? – Я моргнула и, нагнувшись в сторону, попыталась понять, что между ними происходит. Рычание усиливалось. – Давай выйдем, поговорим. – Лъёт уверенно пошёл на мужчину, и они покинули операционную и закрыли за собой дверь.

Удивившись всему происходящему, я отчего-то не отреагировала нормально. Не бежала без оглядки, не кричала от рыков и светящихся глаз. Всему виной чёртов ром! Мне никогда не везло на этот напиток. Оторвав взгляд от закрытой двери, я вновь посмотрела на кушетку; на ней всё ещё стояли наш ужин и почти допитая бутылка рома. Представив, что меня сейчас ждёт, даже несмотря на обезболивающее, я приложила ртом к горлышку. Откуда здесь взяли волки? Мне кажется, в наших лесах не водятся волки! Приложившись ещё раз к бутылке, я попыталась найти в себе смелость и разобраться с раной, которая за время моих размышлений стала выглядеть ещё хуже. Вокруг укуса образовался отёк, и вены начали проступать, словно по ним медленно распространялась фиолетовая краска. Дверь операционной открылась, и вошёл Лъёт.

– Давай я помогу тебе. – Он переоделся. Чёрный джемпер с V-образным вырезом обтягивал его ярко выраженные мышцы, а джинсы сидели как влитые, будто он в них родился.

– Не нужно. Я сама.

– Что тебе нужно подать и где это лежит? – настаивал он.

– Крайняя тумбочка, там обезболивающие. – Лъёт начал открывать ящики, кажется, не понимая, где крайний.

– Здесь снотворное, тебе левее, – подсказала я, он кашлянул и передвинулся к нужному ящику.

– Вот, – он положил на кушетку ампулу и шприц.

– Спасибо, – посмотрев ему в глаза, поблагодарила я. – Было приятно познакомиться, – я намекнула ему, что пора прощаться. Его движение было быстрым и неожиданным – я ощутила укол. Лёгкое головокружение – и я падаю назад в руки Льёта. – Что ты сделал? – бормочу я заплетающимся языком. Кто-то вошел в операционную, не клиника, а проходной двор. Льёт переводит взгляд с меня на вошедшего, я вижу, что он что-то говорит, но не слышу ни звука.

Меня поднимают в воздух, я вижу, как мелькает потолок клиники, стараюсь не уснуть, но в какой-то момент мои глаза закрываются.

ГЛАВА 4

Сладко потянувшись, я натянула до подбородка мягкое, почти невесомое одеяло. Незнакомый хруст постельного белья меня насторожил, и я замедлилась в привычном ритуале просыпания. В моём доме подобной роскоши нет, у меня просто нет на это ни времени, ни желания. Максимум, на что я способна, это вынуть вещи из сушилки и запихнуть их в шкаф. Именно запихнуть, и никак иначе. Да, это мой страшный секрет. Я ненавижу раскладывать бельё, гладить его или вообще что-то с ним делать. Это убийственно скучно, и я не хочу тратить время на такую глупость, как глажка белья.

Запах, витавший вокруг меня, также был мне незнаком. Воздух казался сладким. Не приторно сладким, как ванильный освежитель, а как тропический лес после дождя. Повернувшись на бок, я всхлипнула от резкой тянущей боли и всё вспомнила. Нога, волки, двое странных мужчин, укол. На этой мысли я резко села – и упала обратно в облако подушек. Болело всё, даже кончики волос, которые почему-то были распущены. Осмотревшись по сторонам, я запаниковала.

Всё вокруг меня было незнакомым и странным, словно из другого века. Подняв глаза к потолку, я обнаружила, что лежу под балдахином из парчи, и запаниковала ещё больше. Откинув одеяла, осмотрела себя. Я была одета в длинную белоснежную сорочку из тонкой ткани. Широкие длинные рукава, на концах затянутые узкими лентами с рюшами, изящно обрамляли мои запястья. И всюду кружево, кружево. Тонкое, пронизанное светом, как паутина.

– Что за чёрт! – пробубнила я себе под нос.

Приподнявшись на локтях, сморщилась от прокатившейся по телу боли и заставила себя сесть. Комната, несмотря на три больших окна, из которых лился неяркий свет то ли позднего вечера, то ли раннего утра, выглядела сумрачной. Тяжёлые шторы лежали шлейфом на тёмном паркетном полу. Огромный камин, холодный и пустой, украшенный кованой решёткой, чернел мрамором и завораживал своей необъятностью. У камина стояла пара кресел с высокими спинками, обитыми чёрным бархатом с золотыми гвоздиками, и ножками в виде львиных лап. На стенах висели картины с изображением моря, леса и гор в массивных деревянных рамах. Всё вокруг пахло стариной, но не пыльной и забытой, а ухоженной и дорогой. Казалось, как только мои ноги коснутся пола, в комнату вбегут служанки, начнут причёсывать меня и наряжать в кринолин. Это точно сон, я в жизни не видела ничего подобного и не была в таких местах.

Набравшись смелости, я всё же опустила ноги на ковёр, и они погрузились в высокий мягкий белый ворс. Сорочка с приятным шелестом соскользнула до самых пят, волосы оттягивали голову непривычной тяжестью. Потянувшись руками к густым прядям, я по привычке хотела собрать их в пучок, но резинки на запястье не оказалось. Дойдя до одной из дверей в этой комнате, я повернула круглую латунную ручку, и дверь, щёлкнув, открылась. С первого раза попала куда нужно. За дверью я обнаружила коридор. Если дверь не закрыта, это ведь хорошо? Голова слегка кружилась, и меня шатало. Из длинного коридора не раздавалось ни звука. На стенах висели картины и светильники, напоминающие виноградные лозы. Пульс участился, я боялась шагнуть через порог спальни, которая давала ощущение безопасности. Оставшись в комнате, закрыла дверь и, опершись спиной о стену, медленно сползла на прохладный пол. Подкатывающая дурнота и слабость в теле не давали возможности спокойно передвигаться. Руки тряслись, на лице выступила испарина, сорочка прилипла к спине и неприятно холодила кожу. Сделав пару глубоких вдохов, я опять поднялась на ноги и, открыв дверь, шагнула в тихий и безмолвный коридор.

Опираясь рукой о стену, я шла вперёд, всё время оборачиваясь. Мне казалось, что на меня могут напасть со спины. Господи, куда я попала? Каким невысказанным образом я здесь оказалась? Я чувствовала дикую слабость. Мне хотелось присесть, а лучше прилечь, каждую мышцу трясло от слабости, я не могла выпрямить спину, идя как дряхлая старуха или человек с радикулитом. Дойдя до конца коридора, остановилась перевести дух, меня беспокоило учащённое дыхание и сердцебиение. Вглубь дома уходил такой же бесконечный коридор, а вниз шла широкая лестница с тёмно-бордовым ковром и высокими деревянными перилами с витыми балясинами, которую мне и предстояло преодолеть. Видимо. Чтобы оказаться ближе к земле и попробовать выбраться из этого места.

Потолок высотой метров в девять сводился в стеклянный купол – это потрясающее зрелище. Но как это мыть? Невысказанная, величественная постройка, и при моём состоянии я зависла на пару минут, изучая стропильные рёбра купола. Лестница спускалась широкими ступенями к холлу и окну высотой до потолка. Это вообще возможно было построить, учитывая возраст этого дома? Из окна на меня смотрели синеватый лес и горы, как застывшая картина. Стоп! Что? Горы? Волоски на руках встали дыбом. Оглянулась вокруг себя, словно ожидая чьей-то поддержки или убеждения, что я не рехнулась и это не бред моего воображения, но, вопреки моим ожиданиям, за моей спиной была пустота.

Неважно, отмахнулась я от бредовых мыслей. Всё неважно, мне нужно идти дальше и найти выход или кого-то, кто сможет мне его показать. Дом был ухожен и блестел чистой. Преодолев все ступени и выбрав наугад направление, я насторожённо брела по огромному пустому дому, словно по другому миру. Пройдя мимо пустующей гостиной и столовой, повернув ещё в один коридор, я увидела дверь. Взявшись за дверную ручку и даже не удосужившись постучать, распахнула её и застыла в замешательстве. На столе сидела девушка с широко раздвинутыми ногами, а между ними стоял мужчина. Наши с ним взгляды встретились, и он не шелохнулся, только глубоко втянул носом воздух.

– Я... я... простите, – залепетала я заплетаясь языком. Отступив обратно в темноту коридора, я развернулась, чтобы уйти, но, затормозив, вернулась к единственной встреченной мне на пути двери. Деликатно постучала о косяк и, приоткрыв дверь ровно настолько, чтобы туда влезло мое лицо, спросила:

– А вы не подскажете, где здесь выход? – Мужчина уже отошёл от девушки, которая всё ещё сидела на столе. Его взгляд был злым и суровым, он плотно сжал челюсти и в три гигантских шага пересёк кабинет, или что это было, и захлопнул дверь перед моим носом. Я отшатнулась от неожиданности и шока и застыла на месте.

– Что за... – пробормотала я.

Постояв несколько секунд перед закрытой дверью, я всё же не теряла надежды на сознательность людей, которые здесь живут, но им, похоже, было всё равно на то, что происходит в их доме. И, поняв этот простой факт, я развернулась и пошла на поиски чёртовой входной двери. Что за невежество? Взять и вот так захлопнуть дверь, без слов и объяснений. Злость поднималась во мне по спирали и встала комком в горле. Я шла по этим бесконечным коридорам, гостиным, мезонинам, и к злости прибавилась паника. Перебирая в голове все события последних нескольких дней, я забрела в отличный от прежних тёмный коридор, где не было ламп на стенах или ковров, заглушающих шаги. Здесь было холодно, и гулкое эхо от моих шагов убегало в темноту. Я не насторожилась и не замедлилась даже для того, чтобы обернуться, я упрямо шла вперёд, ругая этот дом и тех, из-за кого я здесь оказалась. Совершенно внезапно для меня каменный коридор закончился. Уткнувшись во что-то твёрдое, я не приотормозила, и это твёрдое распахнулось настежь, ослепив меня светом. В лицо ударил свежий, сладкий воздух. Прикрыв рукой глаза, спустя секунду или её половину я поняла, что падаю. Мои волосы взмыли в стороны, как стайка птиц, а сорочка трепыхалась парусом вокруг моего тела, хлопая и ухая. Пальцами ног я хотела удержать себя на пороге, но понимала, что проиг-

рываю гравитации. Внезапный толчок назад, и мои внутренности подпрыгнули вместе со мной. Мои ноги и руки, как сломанные конечности, взлетели в воздух, живот перехватило что-то твёрдое, и дверь, в которую я врезалась, с оглушительным шумом захлопнулась.

Темно. Я шумно дышу, пытаюсь осознать, что от неминуемой гибели меня спасло чудо. Под моей спиной кто-то дышит не так часто, как я. Скотившись с тела под собой, упираюсь об пол ладонями и коленями. Мне нужно убедиться, что я на твёрдой поверхности и мое тело не размозжило о камни.

– Какого чёрта вы здесь забыли? – раздаётся хриловатый мужской голос.

– Что? – переспрашиваю я как идиотка. Моё тело начинает дрожать.

– Вам жить надоело? – ещё один вопрос в мой адрес от незнакомца, заданный в очень грубой форме.

– Какой больной человек оставит настолько опасное место незапертым?

– Если бы вы не неслись по дому как индюшка без головы, то не оказались бы там, где не следует, – он хватает меня за локоть и поднимает на ноги, встряхивая, как нашкодившего щенка.

– Прекратите, – требую я, выдёргивая руку из его хватки. Как назло, ногу пронзает боль, всхлипнув, подтягиваю конечность вверх, снимая с неё вес тела. Мужчина, рыкнув, подхватывает меня на руки. – Отпустите меня, я могу идти. Со мной всё хорошо.

Широкими торопливыми шагами мужчина вышел из этого прохода за две секунды. Я даже сильно возмутиться не успела и высказать ему всё, что хотелось.

– Как вы оказались за моей спиной? За мной никто не шёл! Я бы услышала шаги, – спросила я обвинительным тоном.

– Если бы вы, – это «вы» он почти выплюнул мне в лицо, – меньше создавали шума, то услышали бы, что я шёл ровно за вами. След в след.

Мы уже шли по дому, но другими коридорами, здесь было меньше поворотов и практически не имелось дверей, как будто по задней стенке дома есть ещё тайный ход. Здесь я могла рассмотреть лицо человека, который меня спас и не был дружелюбен, захлопнув перед моим носом дверь.

Ворот его белой рубашки был расстёгнут, и я видела татуировку на гортани, это было что-то вроде бабочки или мотылька, она была обширной и заканчивалась под подбородком. Чётко очерченные скулы мужчины делали лицо острым, пухлые губы сглаживали это. Его лицо было красивым и чем-то напоминало южных мужчин, чилийца или мексиканца. Лёгкая щетина придавала сексуальности и брутальности и без того сексапильной внешности. И я просто пялилась на него без смущения.

– Что? – резко спросил он, и я вздрогнула от неожиданности.

– Спасибо! – выдавила я из себя благодарность за спасённую жизнь, но не перестала злиться за его откровенно хамское поведение. Он вздёрнул подбородок ещё выше и сглотнул. – Я могу идти сама, – более мирно возразила я. – Отпустите меня. Мой вес не позволяет, чтобы меня носили на руках. Надорвётесь. – На мои аргументы он фыркнул.

– Может быть, вам попадались слабаки? – попыток он и, незамедлительно продемонстрировав мне свою выносливость, слегка подкинул меня в воздух, от чего я пискнула, а он, поймав меня, понёс дальше, не дрогнув ни одним мускулом. Хорошо! Я поражена и в диком восторге! Остановись, парень! Всю дорогу я говорила сама с собой и изумлялась своему невероятному спокойствию. Мы добрались до смутно знакомой двери, которая была распахнута настежь, и вошли в спальню, из которой я недавно сбежала. Носильщик усадил меня на кровать.

– Где я нахожусь?

– В моём доме.

– А вы?

– Касс, Баккер Варро Кассий! – Он слегка склонился в поклоне.

– А вы хам, – заключила я.

– Простите? – удивленно задрал брови, переспросил он.

– Трубки швыряете, двери закрываете перед самым носом. Я, конечно, не исключаю своей вины, застать вас в такой пикантный момент... Кстати, извините, если прервала... Эм... Ну, вы понимаете. На двери табличка не висела, и вам не кажется, что в таком доме нужны указатели или карта? Знаете, как с аварийными выходами. Они даже есть светящиеся в темноте. Я знаю, так как в прошлом году...

– Стоп! – гаркнул он, и я замерла с раскрытым ртом. – Я не разговаривал с вами по телефону. В своём доме занимаюсь чем хочу и где хочу. Вы находитесь на хребте «Волчья стая» в моей коммуне... – Он хотел продолжить, но у меня сбилось дыхание, и, забыв про боль в лодыжке, я подскочила на ноги, но, сморщившись, села обратно на кровать.

– Чёртова нога! – взвыла я. – Вы в своём уме? Что я делаю на другом конце страны? Как вы это сделали? И зачем я тут? Вы меня похитили? Что вам нужно? Деньги, органы? – зачестила я, и от каждого моего предположения брови мужчины становились ближе к переносице и его лицо мрачнело.

– Что за бредовые идеи? – воскликнул он. – Я понятия не имею, зачем они притащили вас сюда. Оставайтесь здесь. Придёт... – Он осёкся. – ...Льёт и введёт вас в курс дела. – Он развернулся, чтобы уйти.

– Подождите! – воскликнула я. – А вы не можете мне сказать?

– У меня нет на вас времени! – Я опешила от откровенного хамства и сквозившего в его голосе пренебрежения. Это было обидно и крайне неприятно, он мне сразу показался снобом. Я переваривала состоявшуюся беседу с хозяином этого дома. Ногу дергало болью, и я не понимала, что не так. Ведь это был простой укус?! Дверь комнаты открылась, широко улыбаясь и неся впереди себя огромный поднос, вошёл Льёт.

– Привет, – подмигнул он мне, уверенно пройдя через всю комнату. Опустив поднос на столик, стоящий у камина, он продолжил: – Сейчас разведу огонь, он прогонит стылость. Мне эта гостевая всегда нравилась. Из окон потрясающий вид. Правда? – Улыбка не сходила с его лица, он светился, как рождественская ёлка. Суетясь у камина, он ворковал со мной, как с давней подругой. Когда всё же он поднял на меня глаза... – Что? Что-то случилось? О-о-о, – протянул он и метнулся к подносу, от его резкости я вздрогнула. – Я принёс обезболивающее и мазь, – чуть спокойней и не так жизнерадостно сказал он, подойдя ближе к кровати.

– Ты приходишь весь такой счастливый, разводишь огонь в камине и пытаешься сделать вид, что всё нормально. Случилось? Конечно случилось! – чуть громче возмутилась я. – Что я здесь делаю? Каким образом вы вывезли меня из города? Вы меня похитили? Что со мной? – Я дёрнула подол сорочки, намекая на то, что меня переодевали, пока я была в отключке. Льёт придвинулся к кровати и положил рядом со мной баночку без опознавательных знаков и таблетку.

– Ты только не волнуйся, – начал он успокаивать меня. – Мы тебя не обидим!

– Сказал маньяк-расчленитель своей очередной жертве! – сухо заметила я. Льёт хохотнул, а я нахмурила брови.

– Ты права. Здесь нет ничего смешного, – он помялся на месте и присел в кресло у камина. – Тебе нужно поесть, присаживайся, – пригласил он меня за стол. – Пожалуйста, – добавил он.

Согласно кивнув, я соскользнула с кровати и, стараясь не сильно опираться на ноющую ногу, направилась к креслу. Льёт подскочил с места, осмотрел меня с ног до головы и поджал губы.

– Я сейчас, – он ушёл в одно из помещений за тёмной дверью и появился через пару секунд, неся что-то в руках. – Позволишь? – он опустил на мои плечи тяжёлый стёганный халат

из чёрного бархата с шёлковыми воротником и манжетами. Обойдя широкий подлокотник, я опустилась в мягкое и глубокое кресло. От камина веяло ощутимым теплом, озябшие ноги ощущали струящиеся языки горячего воздуха. На столе стояло множество тарелок.

Льёт положил мне на тарелку половину лепёшки, сверху на неё тушёные овощи, свежие овощи и мясо, свернул лепёшку в трубочку и подтолкнул тарелку ближе ко мне.

– Тебя укусил волк, тебе стало плохо, странная реакция твоего организма на укус. И мы побоялись оставить тебя одну. Дяде нужно было срочно вернуться обратно, нам пришлось забрать тебя с собой, – перечислил он мне самые глупые аргументы, которые можно было придумать в объяснение того, почему я здесь оказалась. Не притронувшись к еде, я наклонилась над столом.

– Меня можно было отвезти в больницу, вызвать скорую или, на худой конец, пожарных. Зачем везти меня на другой конец страны? Еще и колоть снотворное?

– Тут безопасно, – выпалил он, а после резко отклонился назад, словно испугавшись того, что сказал.

– А что мне угрожает дома? Волк? – ухмыльнулась я. Льёта моя шутка не позабавила, его лицо было сосредоточено и напряжено. – Я все равно не понимаю. Как можно увезти незнакомого человека чёрт знает куда без его ведома? Это похищение. Меня будут искать, – напомнила я ему как бы между строчек, что не одинока и бесследно их фокус не пройдёт. Льёт поднял на меня глаза, от этого взгляда пробежал холодок в желудке.

– Единственный человек, который может тебя искать, это Бэтти. Мы написали ей письмо с твоего почтового ящика. Ты уехала в отпуск, где нет связи.

– Что? Что вы сделали? – От возмущения слова прозвучали сдавленно, я была в ужасе и предприняла последнюю, не самую удачную попытку запугать этих людей: – Муж будет волноваться, – прошептала я.

– С которым ты развелась? – Льёт саркастически вздёрнул одну бровь.

– Что? Я не... Сколько дней я уже здесь? – настороженно спросила я. Льёт, вытерев руки белоснежной салфеткой, откинулся на спинку кресла.

– Около недели. – Мой пульс стучал в ушах. – У тебя масса вопросов, я понимаю. Ты только пришла в себя, дай себе время.

– Время на что? – Я плотнее запахнула халат, подтягивая под себя ноги.

– Ты наша гостья. Мой дядя принял тебя как спасительницу его непутёвого племянника. Отдохнёшь, расслабишься. Может быть, это твой шанс изменить свою жизнь. Тебе у нас понравится. Вдруг ты захочешь остаться?

– Это невозможно! В наше время увезти человека без сознания, документов, просто без... – Я всё пыталась найти рациональное объяснение ситуации.

– Ты же здесь! – с дьявольской ухмылкой сообщил Льёт, склонившись над столом.

– Что происходит, чёрт возьми? – с нажимом спросила я. – И кто был тот человек, что появился в клинике?

– Ничего. Я не знал, как тебя отблагодарить. Услышав твою душещипательную историю, я подумал, что так смогу тебе сказать спасибо. Тебе здесь понравится, обещаю. В клинике был ещё один мой дядя, Лейф. Старший брат Касса, он что-то вроде нашего вожака.

Я не доверяла Льёту, и эта ситуация не казалась мне нормальной. Меня приводило в ужас осознание, что я неизвестно где и с кем, среди гор, непроходимого леса и массы незнакомцев. Ощущение, что меня обманывают, скребло внутри холодными когтями. Определённо, я не буду ждать, когда мне дадут отмашку и разрешат покинуть этот дом. Придётся выбираться из этого места самой.

– Почему ты ничего не ешь? – спросил Льёт, и, возможно, в этот момент на моём лице отразилось недоверие или сомнение. – Она не отравлена, – кивнул он на еду. Медленно подвинув тарелку ближе к себе, я придирчиво осмотрела рулет. Предполагаю, яда там точно нет.

Зачем меня привозить сюда, чтобы потом отравить? Я слишком большая, это хлопотно – избавляться от моего бездыханного тела. Проще было пристрелить меня ещё в клинике и инсценировать ограбление или нечто похожее. Всё же я приступила к еде. Сочное мясо и свежие овощи, хорошо сдобренные соусом, взрывали вкусовые рецепторы на моем языке.

– Боже, это невероятно, – с полным ртом попыталась произнести я. Лъёт широко улыбнулся.

– Как же мне нравится, когда у женщины нормальный аппетит, – отметил он.

– А мне – когда людей перевозят куда-то с их осознанного согласия. Сколько тебе лет?

– Возраст – это просто цифра, – был его ответ.

– О, значит, путешествие случилось, осталось только полюбить, – слизывая с пальцев соус, поддержала я его изречение. На его губах опять проскользнула эта ухмылка, словно он что-то знал или что-то задумал, жутенькое. Чёрт!

– Ешь, кухарка Касса готовит изумительные вещи. – Мои челюсти перестали жевать, меня напрягло слово, вышедшее из употребления столетие назад.

– Кухарка? – проглотив большой кусок, переспросила я.

– Да, – сдавленно подтвердил он и шлёпнул себя ладонью по шее в районе затылка. –

Мне пора. Тебе нужен отдых.

– Почему я так долго была в отключке? Вы меня чем-то опаивали?

– Мы нормальные, не некрофилы. У тебя была лихорадка. Ты не помнишь?

– Нет. Последнее, что я помню, – это клиника и укол.

– Прости за это. Я боялся, что ты психанёшь, будешь кричать и упираться.

– И это было бы логично.

– Тогда ты не оказалась бы здесь. Я навещу тебя утром. – Лъёт поднялся на ноги, и я только сейчас обратила внимание на его нетипичную одежду. На нём была рубашка: белоснежная, с широкими рукавами, почти как у моей сорочки; на груди, там, где грудные мышцы, – шнуровка; воротник-стойка и рукава, зауженные книзу, с широкими красивыми манжетами. Рубашка была заправлена в брюки, довольно узкие, кажется, из замши, которые, в свою очередь, были заправлены в высокие сапоги-ботфорты. Его образ напоминал молодого мушкетёра, только шпаги не хватало.

– Ты с костюмированной вечеринки? – спросила я.

– Я же говорил, у нас коммуна.

– Да. Но это же не восемнадцатый век?

– У нас свои правила и стиль, – пожал он плечами. Вроде бы объяснение вполне себе нормальное. А во что был одет Касс? А девушка, сидящая на его столе? Вспомнив обстоятельства нашего знакомства с Кассом, я почувствовала, что мои щёки залил румянец стыда. Лъёт уже был у двери, когда я его остановила.

– Ты же понимаешь, что я не поверила ни единому твоему объяснению? – Я не оборачивалась, но чувствовала, как он напрягся. – Я бы хотела позвонить. Если это возможно.

– Я попробую что-нибудь придумать. У нас тут не приняты телефоны, – уже чуть тише добавил он, словно сомневаясь, нужно ли сообщать мне эту информацию. – Спокойной ночи. – Я услышала, как закрылась дверь.

ГЛАВА 5

Дохромав до двери и аккуратно взявшись за ручку, я потянула её на себя. Дверь оказалась не заперта. Лёта не было. Идя по коридору, я напрягла свою память. Мне нужно попасть в кабинет Касса. Я была уверена, что там есть телефон или компьютер с сетью. Мне нужна связь с нормальным миром. Я скользила по тихому дому как ниндзя, постоянно оглядываясь, боясь, что меня кто-то увидит, адреналин бежал по венам и подгонял меня двигаться быстрее, но чёртова нога ныла, и я замедляла ход. Когда показалась знакомая дверь, я облегчённо выдохнула. Я уже ощущала себя спокойней от того, что смогу связаться с Ти, услышать её голос и быть уверенной, что выберусь отсюда. Дверь была приоткрыта. Прислонившись спиной к стене, я кралась к кабинету, слыша голоса.

– Что ты ей сказал?

– Наплёл про безопасность и что мы не могли её оставить там с такой раной. – Я почти перестала дышать, услышав мужские голоса.

– Думаешь, она тебе поверила?

– В такой бред никто бы не поверил, – хохотнул Лёт, и я поняла, что речь идёт обо мне.

– Я не могу. – Я услышала приближающиеся шаги и прижалась плотнее к стене, как будто могла слиться с ней. – Боги, вы видели её? Нет, я не смогу, – тяжело вздохнул Касс.

– Не сможешь ты, значит, это сделаю я! – пылко воскликнул Лёт.

– Ты не можешь этого сделать. Всё, что ты сейчас ощущаешь, может измениться после полного оборота. Понимаешь? Твоё притяжение к ней может измениться. И ты ещё слишком юн и недалёк.

– Я не ребёнок, – крикнул Лёт, – и могу отличить похоть от других чувств! В отличие от тебя. Ничего не изменится! – Лёт не унимался, продолжая кричать.

– Именно по тому, как ты ведёшь себя сейчас, я и сужу, что ты ещё совсем ребёнок, – продолжал Касс провоцировать Лёта.

– Всё не так плохо, – раздался ещё один голос, который был мне знаком. – Она милая, толковая и умная. Дай природе сделать своё дело. Нужен один раз и метка. – Я сглотнула вязкий комок, застрявший в горле. Что здесь нахрен происходит?

– Один раз? – возмутился Касс хриплым басом. – Мне на медведя проще сходить с голыми руками. Как ты себе это представляешь? Почему этого не можешь сделать ты? Ты старший. Это твои обязанности. Ты ощутил что-то, я не чувствую ничего. И вообще, разве такое возможно? В нашей истории такое было, чтобы на одну женщину была реакция у нескольких вульфов?

Он сказал «вульфов»? Что это за слово? Они так называют какой-то орган, или что за...

– Ты ничего не чувствуешь по одной простой причине. Потому что кто-то готов есть с руки Киры. От тебя несёт за километр её духами и ещё какой-то травой. Что это? – отчитывал Лейф Касса. – Она меня видела, и я ей не приглянулся, а на тебя она пялилась, как ты выразился, и это значит, что с тобой успех будет выше.

– Хорошо, предположим, всё получится. Как мы будем с этим жить потом? Ты и Лёт? Я не хочу с ней быть и не буду. На ней останется мой запах, навсегда. Как вы будете с этим жить?

– Я не знаю. У меня нет ответов на все твои вопросы. Просто сделай так, чтобы она осталась здесь, пока я буду у Ранди. Уверен, эта ведьма всё знала и сейчас катается со смеху, зная, в какой просак мы попали.

– От Коди за километр веет голодом, – подал голос Лёт.

– Лёт! – возмущённо воскликнул Лейф. – Мы не животные, чтобы так говорить, учись сдерживать свои инстинкты.

– Почему я не должен говорить о том, что чувствую, если я ощущаю это даже сейчас?! Понюхайте, – протянул он. – В доме всюду витает её аромат. Она такая сладкая, как сахарная косточка молодого бычка.

– Ты плохо его обучаешь, – смеясь, сказал Касс. – Посмотри на него, он словно вывалился в молодой сельгирии³. Может быть, стоит дать Льёту возможность? Может быть, их ухаживания затянутся, пока... пока Льёт не войдёт в полную силу?

– Нет, – спокойно и уверенно ответил Лейф. – Мы не будем ждать. Это сделаешь ты. Ты способен хоть что-то сделать для стаи? Не закрыться тут и сношаться с Кирой, вынашивая на пару с ней вселенские планы о величии, а встать и что-то сделать. Я не так много прошу. Сделай это до того, как за ней придут Лаитальянцы. Ты сможешь осилить такую задачу, черти тебя задери! – закончил Лейф, и даже я сжалась за стеной от страха. Мне казалось, что из меня вынули душу и сердце, запихнув на их место лёд.

– Почему ты так злишься? – тихо спросил Касс.

– Потому что ты выдал Кире предсказание Ранди, а Кира слила всё Лаитальянцам. У тебя была одна задача, одна! Держать свой рот на замке. Но, видимо, когда твой хвост крутят против часовой стрелки, из тебя можно вытрясти всё. Ты понимаешь, что Коди пометили? Теперь все права на неё у Лаитальянского клана. Пули из Тиее⁴ Льёт получил по твоей вине, – Лейф всё ещё был спокоен.

– И это не то, о чём мне хочется вспоминать, – добавил Льёт.

– Это самое яркое, что с тобой случится за всю твою жизнь, мелкий, – пробасил Касс. – Я ничего не рассказывал Кире, – добавил он совсем тихо.

– О том, что видела Ранди, знал узкий круг людей. Среди моих Теней нет смертников. Льёт не глупец, чтобы подставлять сам себя и отдавать этим животным нашу Геалту. Так каким образом эта свора оказалась в Коле, еще и вооружённая до зубов пулями из Тиее?

До моих ушей донёсся звериный рык и удар, от которого я вздрогнула.

– Я не знаю! – прорычал Касс.

– Я чувствую твою ложь, ты провонял ею. Трусость в тебе от твоего отца. – Лейф допрашивал Касса. Он знал на сто процентов, что Касс его обманывает, но всё же давал ему шанс признаться.

– Их метка не последнее слово, – вклинился в разговор Льёт. – Если мы спрячем Коди до моего полного оборота, то против нашего слияния ничего нельзя будет противопоставить.

Мое сердце трепыхалось в груди, как крылья пташки. Кровь стучала в ушах, и я, не до конца понимая, о чём речь, всё же осознала всю опасность. Они бандиты? Наркоторговцы?

– Ты будущий король, Льёт, и не можешь прятать её по углам. Где твоя хитрость? Думай на шаг вперёд.

В кабинете повисла тишина. Я не понимала, что они обсуждали, о чём говорили, и эти незнакомые слова в их речи. Кто эти люди?

– Как это всё рассказать Кире? – безжизненно спросил Касс.

– Со своей женщиной разбирайся сам, – резко бросил Лейф. – Поставь Коди метку во время слияния, этого никто не сможет опротестовать перед советом Конунгов.

– Она должна согласиться на метку добровольно, – простонал Касс.

– Да, используй ложь, это у тебя выходит первоклассно. У тебя неделя, – поставил точку в их беседе Лейф. Я не стала ждать продолжения приватной беседы и тихо вышла из коридора.

³ Сельгирия – эта трава в больших дозах опасна для вервульфов. Одурманивает и делает их неуправляемыми. Пока трава молодая, её сжигают.

⁴ Тиее – металл, добываемый на острове Северной Стаи. Металл всегда тёплый. Раны, нанесённые оружием из Тиее, долго не заживают, а пули способны убить вервульфа. Металл ценен и дорог.

Оказавшись в спальне, я забралась на высокую кровать и положила пульсирующую ногу на подушку. Что не так с этим укусом? Про какую метку они все твердили? Я чувствовала, как паника нарастала во мне и грозилась превратиться в истерику. Истерика – это хорошо, выплеснуть всё – и останутся здравомыслие и холодный разум. Господи, я думала, что Джек ублюдок, но эти ребята переплюнули его в десятки раз.

Из их разговора совершенно ясно, что я для чего-то им нужна. Но часть конфиденциальной беседы с непонятными фразами ввела меня в ступор. Что за Геалта, вульфы и тени? Я точно попала в секту! Я всхлипнула, кажется, собираясь расплакаться. Меня хотят осеменить или провести дикий ритуал, изгоняющий демонов? Соскользнув с кровати, я подтащила тяжёлое кресло к двери и подпёрла латунную ручку высокой спинкой. В спальне не было ничего достаточно увесистого, что я могла бы взять с собой в кровать для самообороны. Я так просто не дамся! Больные ублюдки! Ну что, изменила свою жизнь? Ты, Коди, и только ты могла попасть в такое дерьмо. Бежать, бежать, срочно бежать!

Бежать в ночь с хромой ногой в сорочке, босиком в неизвестном месте глупо. Завтра нужно максимально сконцентрироваться на полезной информации. Где я нахожусь, как отсюда выбраться, и как можно больше давать ноге отдыхать. Бежать придётся долго и быстро.

От злости я ударила кулаками по спинке кресла, и в этот момент меня осенило. Я вспомнила, как дед накладывал себе компресс при вывихах и ушибах. Мыло нашлось в ванной, а вместо бинтов я использовала салфетки, которые принёс с ужином Лъёт. Намылив как следует салфетку и туго обмотав ногу, я вернулась в кровать, подложив под ногу подушку.

Огонь в камине почти погас, и в спальне стало ощутимо прохладней. Сон не пришёл, и, воспользовавшись бессонницей, я накладывала каждые пару часов новый компресс, и к утру ноге стало значительно лучше. Когда солнце начало подниматься над горами, сон всё же меня сморил, беспокойный и тревожный. Мне снился волк, его безумный жёлтый блеск глаз, лютый оскал и острые как бритва клыки. Вздрогнув и распахнув глаза, затылком ощутила в комнате чьё-то присутствие. Поднявшись на локтях, я упёрлась взглядом в широкую мужскую спину. Касс стоял лицом к окну. Руки за спиной, напряжение в его теле выдало весь спектр негодования, которое он сейчас испытывал, находясь здесь. Во мне вспыхнула злость, я хотела высказать всё, что думаю о его нахальной морде, но вовремя остановила себя. Мне нельзя провоцировать их. Максимально стоворчивая и милая жертва имеет все шансы выбраться из плена. И мне даже стало любопытно, как он будет изображать любезность при всей неприязни, что он чувствует ко мне.

– Я всегда любил эту комнату. Восходы в ней особенно хороши, – философски заметил Касс. Как он понял, что я проснулась? – Я принёс завтрак, – прокомментировал он, видимо, свое появление в комнате, которую я забаррикадировала. Молча спустившись с кровати, я ушла в ванную. Умывшись и приведя копну волос в порядок, запахнула плотнее халат и туго затянула пояс. Стоит ли выходить? Может быть, через время он поймёт мой немой ответ на его навязанную компанию и просто уйдёт? Постояв ещё пару минут в тишине, я всё же вышла из ванной. Мужчина не изменил свою позу ни на миллиметр.

Солнце играло на коже Касса алым, освещая его точёный профиль, острые скулы, которые казались ещё острее из-за татуировок, расположенных по всей передней части шеи и за ушами. Его пухлые губы были неподвижны, челюсти плотно сжаты. Как при таких исходных данных человек может быть таким засранцем? Он был одет в брюки, похожие на те, что были на Лъёте вчера, а рубашка не была в них заправлена.

– Завтрак! – напомнил он мне, поведя подбородком в сторону. Погрузившись в глубокое кресло, я буквально заставила себя съесть всё, что было на тарелке. Мне нужны силы.

Касс всё так же стоял у окна, а мне казалось, что он наблюдал за каждым моим движением рукой, за каждым проглоченным куском. Он будто говорил: «Куда она столько жрёт?!» После

этой мысли усилием воли я сдержала рвотный позыв. Последний кусок тоста упал гирей в моем желудке.

– Переодевайся, пойдём прогуляемся. Шкаф в твоём распоряжении, надеюсь, ты что-нибудь найдёшь для себя. – Ему не хватило ещё закатить глаза после этой фразы. Комок обиды встал у меня в горле. Ублюдок! Ты изменила свою жизнь? Другие герои, а сюжет всё тот же! Злая слеза скатилась по щеке.

Шкаф был полон, но с размерами оказалась беда. Брюки там имелись, но ширина брючин... Туда только моя рука влезет. Для меня в этом изобилии одежды для «барби» нашлось платье в клеточку. Широкие рукава не стискивали мои плечевые суставы, и я могла спокойно двигать руками. Широкая юбка не стягивала бёдра, но мешалась между ног, я никогда не носила подобную длину и ширину, и вообще я платья не люблю. В ящике комода нашлись тёплые гольфы. Боже, здесь не знают, что на дворе двадцать первый век? Гольфы? Дайте мне брюки и колготки! Пожалуйста. Вскинув взгляд к потолку, я выругалась. Черт! И как ни странно, но в этом волшебном шкафу нашлись и ботинки мне по размеру. Короткие сапожки на плоской подошве с частой шнуровкой на крючки сели как влитые на мою широкую стопу. Касс ждал меня в коридоре, прислонившись спиной к стене и сложив руки на груди. Смерив меня оценивающим взглядом, он молча двинулся вперёд.

– Тебе идёт! – выдал он довольно громко, чтобы я, болтающаяся позади него, могла услышать этот невозможно потрясающий комплимент. Чтоб тебя! Проглотив огненный шар бешенства, поднимающийся по горлу, я медленно выдохнула. Мне нужно узнать, где выход, и только для этого я буду милой.

– Тебе нравятся лошади? – выпалил он, резко затормозив и развернувшись ко мне лицом. Я не успела ничего ответить или вообще что-то сообразить. Касс пробасил: – Идём! – будто отдал команду. Его шаг ускорился, он не обращал внимания на мою раненую ногу, которая, по правде говоря, пока не сильно болела, но всё же. Наконец-то мы вышли к маленькой двери. С другого конца коридор был бесконечен, каменный пол освещался зимним солнцем из высоких и узких, похожих на бойницы окон. Где-то распахнулась дверь. Я отчётливо слышала торопливые шаги. В этом длинном коридоре появился мужчина преклонного возраста. Он прихрамывал на левую ногу, его рост был ниже среднего.

– Хозяин? – хрипло поприветствовал мужчину. Касс молчал. Он о чём-то напряжённо думал, его брови сошлись на переносице.

– Жоэль, мы с нашей гостьей хотим прогуляться до конюшен, – наконец-то озвучил он хоть что-то, и Жоэль, до этого момента стоящий по стойке смирно, выдохнул.

– Секунду, хозяин, – сказал Жоэль и ушёл в ту сторону, откуда появился. Мне хотелось держаться от Касса подальше. Раздражительность, сочившаяся из него открытым текстом, и моя злость – ядерная смесь. И я уже была на грани от его высокомерия и пафоса, читавшихся в каждом движении и командах, которые он отдавал. Он ни разу не посмотрел в мою сторону, не спросил, как я себя чувствую, не задал ни одного вопроса. Хам!

Пожилой мужчина вернулся довольно быстро, держа в руках ворох одежды. Касс практически выхватил из его рук что-то чёрное, распахнул высокую деревянную дверь и вылетел на свежий воздух. На меня пахнуло морозом и чем-то сладким, пьянящим так, что даже закружилась голова.

– Вот, мисс, – Жоэль распахнул для меня курточку, повернувшись, я вдела руки в рукава.

– Спасибо, Жоэль, – повернувшись к мужчине, я поблагодарила его за труды и внимательность. Курточка прямого кроя с капюшоном, подбитая мехом, не была мне мала, застегнув все пуговицы, я в нерешительности подошла к двери.

– Он не любит ждать, – поторопил меня Жоэль.

Первые несколько секунд я не могла открыть глаза, настолько ярким и слепящим было солнце. Когда всё же смогла, то не поверила тому, что видела, и даже попыталась отступить назад.

Широкий двор искрился изумрудным газоном. По дальнему краю, вокруг дома и двора, шла стена. Похоже, это старое родовое поместье или исторический замок, так как через каждые двести метров были башенки, видимо, раньше они выступали в роли сторожевых или оборонительных бастионов. Мой взгляд поднялся выше каменной стены, туда, где горы с седыми пиками скребли небо.

Вопросов в голове всплыло многое множество, я была поражена и восхищена, и природное любопытство одолевало меня, но задавать эти вопросы было некому. С этим самовлюбленным индюком, а именно таким он и был, я бы даже на одной грядке... неважно. Будь милой, ты это умеешь. Тебе нужно отсюда выбраться.

Я всей кожей, каждой клеточкой тела ощущала неприязнь Касса ко мне, отчего быть рядом с ним и находиться тут даже в качестве гостя, в зависимом состоянии было еще нестерпимей.

Дом был огромен, неудивительно, что я в нем заблудилась. По периметру двора стояло несколько построек в стилистике главного строения, грубый необработанный серо-зеленый камень. Вокруг ходили люди, мужчины и женщины, все были одеты так же, как и Касс. Это выглядело странно, но уже не шокирующе. Мужчины в широких рубахах, кто-то в узких штанах или широких брюках; ни один мужчина не был стрижен, как Касс, все с длинными волосами до плеч. Женщины – большинство в платьях или юбках и блузках с такими же широкими рукавами, как у мужчин, волосы заплетены в косы. Несколько девушек, проходя мимо меня, прервали свою беседу. Осмотрев меня с ног до головы, и не скажу, что это были добродушные взгляды, они медленно пошли дальше, всё ещё оглядываясь на меня и перешёптываясь. Одна из девушек несла плетёную корзину, доверху наполненную чистым глаженным бельём. Я наблюдала за всем происходящим, словно была на съёмочной площадке. За моей спиной раздалось покашливание.

– Нам сюда, – указал Касс рукой нужное направление. Засеменив следом за ним, я обернулась. Две девушки застыли у входа в одну из небольших построек, они всё ещё шептались и провожали меня взглядами. Я чувствовала себя школьницей-изгоем или новенькой. Всю жизнь избегала подобных компаний. Я не умела быть на их уровне, не умела «драться» их способами. Это всегда было слишком для меня. Слишком драматично, жестоко, определённо не зона моего комфорта. Поэтому я с радостью скрылась в конюшне.

Моментально изменившаяся с враждебной на умиротворяющую обстановка отправила массу мурашек по моему телу. Окунувшись в тишину со всхрапами и перебиранием копыт по деревянному полу, в запахи сена и солнца, всё здесь было пронизано теплом, я выдохнула. По обеим сторонам было порядка двадцати денников, я такой частной конюшни в жизни не видела. В каждом деннике находились прекрасные представители разных пород. Идя от одного окошка к другому, я смотрела в чёрные как ночь глаза и ждала, когда пробежит искра.

Касс остановился где-то в начале и бесцветно пытался что-то мне сказать, не заметив, что я медленно брела дальше в самую глубь конюшни. На глаза попала серая, дымчатая как сажа кобылка. Её большие глаза обрамляли длинные ресницы, а уши с серыми кончиками перестали прясть, когда я попала в её поле зрения. Она остановилась, почти перестала дышать, так же как и я. Медленно подойдя к двери, я сняла упор с крючка и распахнула калитку, протягивая ладонь к её носу. Она отступила на шаг, всхрапнула и мотнула головой в сторону. Лошадь была невероятно высокая. Её шёрстка лоснилась и бликовала, как будто переливалась серебром. Я сделала ещё один шаг к ней, но она отступила и начала яростно хлестать свои бока хвостом. Остановившись и давая ей привыкнуть ко мне, я вытянула руку, продолжая не сводить взгляда с её глаз. Заплясав на месте, лошадь повернулась боком, где были уже зажившие следы от ран,

глубоких, рассекающих её бока уродливыми полосами. Я видела такие однажды, ту лошадь я не спасла, хозяин забил ее до смерти, пытаюсь объездить. Сглотнув вязкую слюну, я не сдвинулась с места.

– На стоит к ней заходить, – раздался за моей спиной недовольный, сочащийся раздражением голос Касса. – Она ещё не объезжена.

– Я вижу! – процедила я. Горький комок стоял в горле, и мне хотелось наброситься на говорившего.

– Она на безводной диете, – проинформировал меня Касс, и, услышав его голос, лошадь заволновалась, мечась из стороны в сторону. – Чтобы быстрее...

– Сломалась, – закончила я за него фразу. И, уже не в силах сдержаться, развернулась и вышла из денника. Кажется, этот мужчина... этот человек... был собой вполне горд. – Животные, – вырвалось у меня, закипающей от злости. Вернувшись к началу конюшни, где стояли бочки с водой, я зачерпнула её в ладони и бегом понеслась к деннику. Лошадь, унюхав воду, сделала робкий шаг в мою сторону.

– Я же сказал, – начал было Касс. Кобыла перевела взгляд с моих рук на него, настороженно замерла и отступила как можно дальше к стене, прячась в тени.

– Да, – отчеканила я. – Я не глухая. И я ответила тебе. – Выйдя из стойла, чтобы не раздражать волнующуюся лошадь своими нервными нотками, я вернулась к бочке и вновь зачерпнула полные ладони воды. – Животные! – намного громче произнесла я, убедившись, что он меня слышал. Вернувшись к своей новой подружке, я опять протянула руки вперёд. – А теперь сделайте милость, заткнитесь, уважаемый, и отойдите на несколько шагов от денника, желательно туда, где лошадь не будет вас видеть.

– Не понял? – рявкнул Касс. Я не стала повторять ему свою просьбу или вступать в перепалку, всё своё внимание я направила на страдающую лошадь.

– Давай, Уголёк, – позвала я ласково кобылку. – Смотри, что я тебе принесла, – я сделала ещё шаг к ней. – Не прячься от меня. Ты такая красивая. Ну же, ты ведь хочешь пить? Я буду тебе носить столько воды, сколько захочешь. Давай, подпусти меня. – Шагнув одновременно друг к другу, мы замерли, я в ожидании, лошадь в недоверии. Обнюхав мои ладони, она опустила в них морду; той воды, что там была, ей на один глоток, но я принесу ещё. Через три ходки лошадь подошла ко мне вплотную и упёрлась лбом в плечо. У меня сковало горло стальным обручем – сколько в этом жесте было благодарности и человечности. Погладив её по холке, позвала за собой. Найдя на гвозде уздцы, я поднесла их к её носу. Обнюхав их, как и мои руки, лошадь позволила накинуть их на себя. Не перехватывая сильно, я повела лошадь за собой к бочке с водой, где она смогла вдосталь напиться, а я более тщательно осмотрела зажившие бока, где уже никогда не будет гладкой кожи и ровной шерсти. Из темного угла конюшни выскочил мальчишка, взъерошенный, испуганный и босиком, как оборванец. Рубаха не завязана, одно плечо голое, широкие штаны, похожие на шаровары, вытянулись на коленях. Его огромные карие глаза смотрели на меня не мигая.

– Эй, малец, – позвала я его. – Есть что съестное? – Он перевёл взгляд за мою спину, и я знала, что он спрашивал разрешения. И, наверное, получив его, он скрылся в темноте конюшни. Я гладила кобылку по широкой шее и шептала ей нежности, а она не двигалась, даже с ноги на ногу не переминалась. Мальчишка выскочил из ниоткуда, держа в подоле рубахи яблоки.

– Близо не подходи, – предупредила я, и мальчуган кивнул. – Бросай, – попросила я, вытянув руку. Поймав яблоко на лету, я поднесла его к носу лошади. Она с явным удовольствием и неторопливостью захрустела сочным плодом. Медленно выманивая лошадь из конюшни, я намеревалась выгулять её.

– Не туда, – остановил меня мальчишка окриком. – В ту сторону, – указал он худой ручкой в противоположную сторону. – Там вольные поля, ей лучше будет, – шёпотом закончил он.

– Спасибо, – широко улыбнувшись, поблагодарила я его. Не задерживаясь, я пошла в указанном направлении, лошадь шагала следом. Мальчишка обогнал нас и, повозившись у глухой стены, распахнул ворота. Поля с короткой травой распростёрлись до самой кромки леса, который тёк синевой холмов, упираясь в горы. Уголёк шла несмело, будто боялась, что её ударят за вольность. Солнце припекало спину, и мы шли всё дальше от распахнутых ворот. Отпустив уздцы, я дала лошади возможность выбрать самой, что она хочет. Ещё мгновение потоптавшись рядом со мной, она понеслась во весь опор. Сняв куртку и постелив её на траву, я присела и дала разнывшей ноге возможность отдохнуть, с радостью и трепетом наблюдая за восторгом Уголька. Она свободна, свободна. Её грива прижимается к шее и стелется серыми волнами, мощные ноги выбивают землю, и комя летят во все стороны, её мышцы вспоминают, каково это – быть свободной, быстрой и не сломанной.

– Ты знаешь, сколько она стоит? – Я даже головы не повернула на Касса. Вытянув ноги вперёд, я опёрлась на руки и наблюдала за лошадьёю.

– Навскидку? Тысяч двести пятьдесят. Тебя волнует, могу ли я тебе отдать такие деньги, если она не вернётся? Нет, конечно, – ухмыльнулась я. – Но она вернётся.

– Ты этого не знаешь! – Я ощущала его раздражение.

– Все возвращаются, когда понимают, что им ничего не угрожает. Как можно так обращаться с живым существом? – Я спрашивала, потому что искренне не понимала, как можно делать нечто подобное.

– У лошади есть хозяйка. Я подарил её своей... – Он замолчал. – У неё свои методы, – оправдал он, видимо, свою девушку.

– Это жестокость. Ничто не может оправдать жестокость, тем более за непокорность. Тебе стоит задуматься о подарках для такого человека. Определённо, это должен быть неодушевлённый предмет. Её забили бы насмерть, – выпалила я зло. Боль кобылки клокотала во мне нестерпимым огнём. – Или заморили бы жаждой.

– Ты уже видела подобное? – сделал свои выводы Касс.

– Я видела многое.

Уголёк тем временем выскочила из-за пригорка и во весь опор понеслась на нас, я не двигалась. Она остановилась единым движением, всхрапнула и низко опустила голову, почти касаясь моего лица горячим носом.

– Набегалась, красавица? – Она толкнула меня в плечо. – Ты предлагаешь прогуляться с тобой? – глядя запутанную гриву, прошептала я.

– Не думаю, что это хорошая идея, – отойдя на несколько шагов от нас, с сомнением пробормотал Касс. Я улыбнулась лошади, пройдясь рукой по бархатистой морде, и получила громкое «Фыр-р-р» в ухо. Очевидно, кто-то не совсем доволен моей медлительностью. Поднявшись на ноги, я прошлась рукой вдоль изуродованных боков лошади, от моих прикосновений по бокам Уголька побежала дрожь. Перехватив уздцы, я присела и вспрыгнула на спину лошади. Подняв высоко голову, Уголёк загарцевала на месте, тряся головой. Я опустила поводья и прижала колени к ее бокам.

– Давай, Уголёк, – я легла на неё телом, плотно прижавшись. – Во весь дух, – улыбнувшись, прошептала я, и мое сердце замерло от предвкушения. Застыв всего на мгновение, она словно примерялась, куда ей отправиться, а через секунду в моих ушах свистел ветер. Ладонями я чувствовала, как работают её мышцы. Моё сердце стучало как ненормальное от эйфории, разливающейся по венам.

ГЛАВА 6

Я много лет не ездила верхом, ещё и так по-варварски, без седла. И это давно забытое, приятное ощущение свободы, полёта, мгновения счастья перекатывались во мне, как раскаты грома. Я улыбалась без веской причины и наслаждалась моментом, не желая его терять. Хотелось схватить это чувство, накрутить на катушку, как нитку воздушного змея, и не отпускать этот восторг, держась за него что есть сил. Я много лет не позволяла себе ничего подобного, ничего из ряда вон, ничего неординарного, необычного. Ничего, от чего бы срывало крышу.

Сзади донёлся свист или нечто подобное. Всё ещё плотно прижатая к шее лошади, я повернула голову. За нами была погоня. Несколько мужчин гнали лошадей, стегая их хлыстами. Мой момент счастья закончен, его бессовестно украли. В гонке я не смогла понять, был ли среди них Касс. Мне показалось, что он мелькнул где-то, но Уголёк сменила направление, понеся меня к кромке леса. Я уже чувствовала на кончике языка привкус свободы. Ещё немного – и я смогу вырваться, затерявшись в гуще леса. Я обернулась на догоняющих нас мужчин, и мне обожгло лицо. Закусив губу, я слегка разжала хватку колен на рёбрах Уголька, и она неверно расценила мой жест. Сбавив ход, лошадь остановилась. Я часто дышала, мои волосы разметались по спине, а лицо горело от удара плети. Бока Уголька вспотели, она дрожала от быстрой скачки. Выпрямившись и потянув поводья, я развернула кобылку. Ощупав горевшую щёку рукой, я поняла, что по ней течёт кровь, горячая и липкая, она осталась на моих пальцах. Мужчины закружили в нескольких метрах от нас, не решаясь приблизиться, я, в свою очередь, не решалась двинуться никуда в сторону, я боялась ещё одной атаки плети. Насторожившись и приготовившись к любому развитию событий, я затаила дыхание. Совершенно неожиданно из-за моей спины вылетел иссиня-чёрный жеребец, закрывая меня от мужчин. Касс спрыгнул с лошади и, наступая на мужчин, прорычал:

– Кто? – Даже при отсутствии буквы «Р» в слове только она и была слышна. Мужчины склонили головы и молчали. – Лейф вам руки вырвет за это! – рычал он. – И мне вместе с вами.

– Простите, хозяин, – нашёлся один из мужчин. – Боялись, что убежит.

– Она не дикая лошадь, – заметила я, всё ещё часто дыша. – Рано или поздно вернусь бы.

Второй мужчина в рубахе, распахнутой почти до пупа, поднял глаза и, ярко улыбнувшись, сказал:

– Геалта думает, мы о кобыле, – он прищурился от яркого солнца. Даже густая листва, тяжёлым одеялом нависшая над кромкой поля, где мы остановились, не спасала от тёплых лучей. Зеркально повторив за мужчиной, я так же прищурила глаза.

– Гиалта? – топорно повторила я странное и незнакомое слово, которое слышала вчера в разговоре Лёта и Лейфа.

– Геалта, – повторил мужчина медленно, делая акцент на каждой букве и произнося слово так мягко, что я приоткрыла рот от незнакомого звучания.

– Довольно! – гаркнул Касс, и я, вздрогнув, спугнула лошадь, она, гарцуя и крутясь как волчок, норвила опять понести меня вперёд.

– Тише, девочка! Тише, Уголёк, – успокаивала я лошадь, поглаживая её по шее.

– Уголёк?! – переспросил мужчина, всё ещё широко улыбаясь. – Ей подходит, намного больше, чем герцогиня, – и оба мужчины, что гнали меня по полю, загоготали.

– Заткнитесь! – оборвал их смех Касс.

– Извините за удар, – мужчина в рубахе нараспашку плотно сжал челюсти. Я не испытывала удовольствия от боли, я не была мазохистом, я рациональный человек, в данной ситуации могло произойти всё, что угодно, они пытались остановить взбесившуюся лошадь, как думали они, и делали это единственным знакомым способом.

– Ты знаешь правила, Брэди, – приказным и повелительным тоном заговорил Касс. Брэди и другой мужчина переглянулись. Брэди «рубашка нараспашку» одним прыжком оказался на земле и протянул Кассу длинную хвостатую плеть. Недоумённо переведя взгляд с Брэди на Касса, я задалась вопросом: «Что за дичь тут происходит?» Касс тем временем спрыгнул со своего жеребца и, взяв плеть из рук Брэди, взвесил её, хлестнул воздух рядом с собой и замахнулся.

– Ты очумел? – взревела я, соскакивая с лошади. – Не смей этого делать, чёртов ублюдок! – Кажется, Касс обалдел от моих слов и, вытаращив глаза, застыл. – Опустить свою руку, или я тебе её сломаю, – процедила я, услышав за спиной смешок. Кого-то эта ситуация может веселить?

– Броль нас услышал, – радостно воскликнул Брэди.

– Я должен... – начал было Касс.

– Мне плевать, что ты должен. То, что произошло, случайность.

– Геалта, я вас оскорбил и должен понести наказание, – уже серьёзно сообщил мне Брэди. Моя грудь тяжело вздымалась и опадала от бешенства и совершенной растерянности. – Я приму это с честью и достоинством! – добавил он высокопарно, словно мы сэры и леди. Я лихорадочно соображала, как выйти из ситуации. Закрыв глаза, вздохнула и облизала пересохшие губы.

– Это всё... Это бред какой-то! Это... я ни черта не поняла из твоей напыщенной речи о чести и достоинстве, но если ты оскорбил меня, то, наверное, и наказывать должна я?! – Будто сама с собой разговаривая, я не ожидала ответа. Прищурившись, посмотрела в белёсые, сверкающие злостью и праведным гневом глаза Касса, он уже оправился от шока, от моей не совсем женской речи. Я редко вела себя ожидаемо. Касс пихнул мне в руку плеть.

– Не нужна мне эта гадость, господи! – выкинув её в траву, воскликнула я. – Вы же не дикари? Мое наказание будет таким, – я постучала себя по лбу пальцем. – Больше ни одна лошадь или другое живое существо не будет наказано тобой. Носи это наказание с честью! – Я вспомнила фразу героини из какого-то рыцарского фильма. Господи, ну что за бред?

– Слушаюсь, заклинательница лошадей! – покорно склонил голову Брэди. Конечно, я не выдержала.

– Что здесь происходит? – задала я в десятый раз этот идиотский вопрос. – Это шутка или спектакль? Было забавно первые пару часов. – Брэди недоуменно посмотрел мне за спину, кивнул Кассу и, отойдя от меня, вскочил в седло. – И всё? – крикнула я ему.

– Было приятно познакомиться, Геалта! – И лошади с храпом унесли преследователей обратно за холм, где виднелись башни дома. Пнув ногой плеть, которая валялась в траве, свернувшись кольцами, словно змея, я обернулась к Кассу.

– Вызовите мне, пожалуйста, такси до вокзала или станции. И мне придётся занять у вас деньги на билет до дома. Напишите мне ваши реквизиты, я всё верну, когда окажусь где-то.

– Вы гостя! – возмутился он.

– Предпочитаю выбирать компанию для хороших выходных добровольно. Я немного не вписываюсь в ваш антураж. Вам так не кажется? – похлопав Уголька по шее, я перешла к крупу, её мощные мышцы и гладкая шёрстка успокаивали. – Мне стоит извиниться за свою резкость. – Я не могла посмотреть на него. – Лично к вам это не имело никакого отношения, – соврала я. – Спасибо за гостеприимство. – Этим я как бы поставила невидимую точку в своем визите в это странное место. Взяв под уздцы Уголька, я зашептала ей нежности. – Ну что, девочка, прокатишь меня ещё разок?

– Где ты научилась ездить верхом, да ещё и без седла? – Неожиданный вопрос от Касса остановил меня, я уже согнула ноги, чтобы оседлать лошадь. Касс стоял ближе, чем до этого, руки вытянуты вдоль тела, он был напряжён.

– В детстве я много времени проводила у бабушки на ферме. Когда убежал телёнок или корова уходила в загул, действовать нужно было быстро.

– А твои родители? – Он сделал ещё шаг в мою сторону, а я глубокий вдох.

– Они вели светский образ жизни, рауты, вечера. Дикарка с растрёпанными волосами и землёй под ногтями не вписывалась в их идеальную картину мира, – хохотнула я. – Они старались как могли.

– Сломать тебя?

– Да нет, скорее объездить. К чему личные вопросы? – повернувшись всем телом к нему, я выпустила из рук повод, который до этого сжимала с такой силой, что он впился мне в ладонь и оставил борозды на коже.

– Хочу узнать тебя ближе! – Он снова шагнул в мою сторону, увидев это, я вжалась в горячую спину Уголька.

– Это ни к чему. Сегодня я покину это место, и мы больше с вами не увидимся, – затараторила я. Касс одним движением сократил между нами дистанцию. Запустил свою пятерню мне в волосы и прижался губами к моим губам. Замерев всего на секунду, я не сосредотачивалась на его действиях или своих. Я дёрнулась и, оперевшись руками ему в плечи, пыталась его оттолкнуть. Чем больше я сопротивлялась, тем яростней становился его напор. Чем активнее я отталкивала его, тем сильнее он прижимал меня к себе. Всё во мне горело огнем, будто сейчас вулкан взорвётся в районе груди. Он пытался углубить поцелуй. Я же, приоткрыв рот, словно сдаваясь натиску, вцепилась в его мягкие и горячие губы. Касс отстранился с рыком, мне показалось, в его глазах сверкнул зелёный блеск. Он моргнул, и всё пропало. Языком он слизал каплю крови, повисшую на губе.

– Какого... Что за чёрт? – зашептала я осипшим голосом. – Какие мои слова были сигналом? Чёрт! – Вновь выругавшись, я провела языком по губе, где осталась кровь Касса. Сердце, колотящееся в груди, казалось, ломает рёбра. Кровь Касса была сладкой, не солёной, а сладкой. Нахмурившись, я посмотрела на мужчину. Он был растерян. Кажется? Или напуган?! Он часто дышал и всё ещё стоял слишком близко ко мне. – Не смейте больше делать ничего подобного. У вас же есть девушка! – возмутилась я.

– Простите! – Он ещё раз моргнул, и растерянность исчезла с его лица в одно мгновение. Напряжённый, собранный, надменный. – Не знаю, что на меня нашло. – Он свёл брови на переносице. – Девушка?

– Что? – Я всё ещё не могла отдышаться, казалось, что в лёгких не хватает воздуха.

– Ты сказала – девушка.

– Это не моё дело. – По моему телу пробежал мороз. Пожившись, я оглянулась на темнеющий лес. Деревья стояли неподвижно, ни один листик не шевелился, будто вокруг нас выкачали воздух. Резкий порыв ветра, налетевший непонятно откуда, разметал мои волосы, а из леса донёсся вой. Отстранившись от спины Уголька, я вышла чуть вперёд, сердце зашло в груди. Вой раздался с новой силой совсем рядом. Ветер нёс этот тяжёлый звук по макушкам деревьев и бил по ушам.

– Садись на лошадь и скачи к дому, – спокойно, но быстро скомандовал Касс.

– Чёрта с два! – был мой ответ ему. – Это волки? Дикое совпадение. Встретиться с ними дважды с разницей в несколько дней. Кажется, они меня преследуют, – улыбнулась я, всматриваясь в густой чёрный лес.

– Возвращайся в дом, – настойчивее попросил Касс. – Пожалуйста, – добавил он. Я не двинулась с места, будто приклеенная, и пялилась в лес. Будто там кто-то был, кто-то дышал, и я смотрела в его глаза. – Я дам тебе телефон позвонить, – громко выдал он, и я, переведя взгляд на мужчину, замерла на секунду. Если Касс и был взволнован или обеспокоен, мне он этого не показал, даже мускул не дрогнул.

– Ловлю на слове, – согласилась я и, вскочив на спину Уголька, стукнула пятками по её бокам. Уголёк рванула с места и помчалась к дому. Мне казалось, земля дрожала под копытами, я почти не могла сделать полноценный вдох, в ушах свистел ветер. Касс, конечно, был избалованным и надменным козлом, но его жизнь не была менее ценна от этих фактов. А если задуматься, то на поле мы оказались по моей вине, и теперь Касс остался там один. Чёрт, чёрт! Влетев в конюшню через распахнутые ворота, я заголосила:

– Брэди! Брэди! – еще громче позвала я. Он выбежал из тёмного угла.

– Что случилось, Геалта?

– Там волки, – сбивчиво начала я, горло пересохло от быстрой скачки. – Ваш начальник один на поле, отправил меня сюда.

Он не двигался.

– Волки? – переспросил он и запихнул руки в карманы широких брюк.

– Да! – воскликнула я. – Нужно ему помочь. Скорей!

– С ним всё будет хорошо. – Он скупающе качнулся с носков на пятки. – Идём, я тебя накормлю.

– Но... – выдохнула я воздух из лёгких. – Там вой и... – Его хладнокровие сбивало меня с толку.

– Идём, – протянул он руку в приглашающем жесте. – Ты продрогла. – Он хохотнул. Оторопевшая, я всё же подошла ближе и последовала за Брэди.

Тёмный проход с каменным полом и низким потолком вывел нас в большую, нет – огромную кухню. Повсюду витали запахи, и мой желудок заурчал. Высокий сводчатый потолок внушал неопишуемый трепет, а множество окон-полумесяцев рассеивали повсюду свет. Здесь были печи, где гудел огонь. У печей стояли дровницы, заполненные ровными рядами брёвен. Рабочий остров с массивной каменной столешницей и длинный деревянный стол с такими же лавками занимали пространство и наполняли и без того уютную кухню теплом. Когда мы зашли, все замерли и перестали месить, перемешивать и жевать.

– Лёгкой работы, – поприветствовала я всех. Я не из робких девиц, но взгляды, направленные на меня, были насторожёнными и даже враждебными.

– Посмотрите, кого я нашёл, – сообщил всем Брэди. – Хозяин отправил её домой, так как услышал волчий вой. А Геалта испугалась и требовала оружия для спасения хозяина. – По кухне прокатился смех. Смутившись, я почувствовала себя не в своей тарелке. Очевидно, я что-то делала неверно.

– Садись, – подтолкнул он меня к деревянному столу. – Жози, накорми-ка Геалту. Она полдня скакала без седла. – Брэди лучезарно улыбнулся мне и подмигнул. – Джоэль, – позвал он кого-то. Из-под стола вылез мальчуган, с которым я утром виделась. – Сбегай, пригляди за кобылкой. – Мальчик кивнул и скрылся в тёмном коридоре, из которого мы вышли. Передо мной поставили стакан с янтарной жидкостью и тарелку с пирогами, слюна выделилась непроизвольно. Пересохшее горло молило о жидкости. Осушив стакан залпом, я ощутила приятное сладковатое послевкусие, напоминающее мёд. Жози, дородная женщина с длинной пшеничного цвета косой, с широким округлым лицом, задорным румянцем и соблазнительными пухлыми губами, встала у стола и упёрла руки в бока.

– Вкусно? – спросила она. Вытерев рукой губы, я кивнула. Жози поднесла к моему стакану глиняный кувшин и налила ещё. – Закусывай, – она кивнула на пироги. Чтобы не обидеть хозяйку, а Жози, очевидно, ею тут и была, я впилась зубами в мягкое сладкое тесто. Ягоды были целыми, и каждая взрывалась на моём языке кислотой и сладостью. Умяв пирожок, я выпила ещё стакан мёда и почувствовала, как тепло разливается по телу и жар приливает к щекам. – Ну-у-у, – протянула Жози. – Рассказывай!

– Что именно? – набив рот ещё одним пирогом, спросила я.

– Чем занимаешься?

– Я ветеринар. Помогла Льёту, а после оказалась здесь. – Я выпила ещё половину стакана. – А, и ещё на меня напал странный волк, я таких огромных не видела, а видела я много. – Жози переглянулась с Брэди. – Я видела этот взгляд! – воскликнула я. – Что он означает?

– Ничего, милая. В наших краях волки – привычное дело.

– Да, я слышала их зов, – допив стакан, я принялась за ещё один пирожок. – Боже, Жози, я никогда в жизни не ела ничего подобного. Спасибо! А вы уверены, что с Кассом всё будет хорошо? Он, конечно, заносчивый ублюдок, но это не значит... – Я оторопела, осознав, что только что сказала. – Я... Простите... Это алкоголь? – указав пальцем на стакан, уточнила я.

– Хоть кто-то не стелится перед ним, – неожиданно ответила Жози. – И да, это медовуха, – она широко улыбнулась. – Ты мне нравишься. – После этих слов все, кто был в кухне, словно выдохнули, до этого сдерживая дыхание. Мне налили ещё.

– А он всегда такой?

Жози вернулась к рабочему острову, на котором стояла большая миска, и принялась месить тесто.

– Какой?

– Угрюмый, стремительный, наглый. – На каждый мой эпитет ползли вверх не только брови Жози, но и большинства окружающих. – Словно весь мир у его ног и он его властелин. – Чёрт! Мне нельзя пить с кем-то из этого места, мой язык рядом с этими людьми живёт своей жизнью.

– Девочка, а ты остра на язычок! – отвлекшись от теста, сказала Жози. – Обычно он так ведёт себя, когда крайне раздражён или не заинтересован.

Ауч, а вот это было не совсем приятно, особенно если учесть, что мои губы ещё горели от его грубейшего поцелуя.

– А раздражён он, видимо, всегда? – Больше никто не вступал со мной в разговор. – Давайте о более интересном поговорим. Льёт мне немного рассказал о вашей коммуне. Давно она существует?

– Мои бабки рождались в этой коммуне. Мы не единственные. Брат Касса с севера. У северного народа история намного интересней, чем наша. Мы были единым кланом, но между мальчиками пробежала чёрная кошка, и теперь всё сложно.

Брэди хохотнул.

– Скорей крыса, – дал он своё заключение на ситуацию. Жози подняла глаза от теста и шикнула на него.

– Когда-то мы были единым народом, но жизнь на севере сурова, и люди разделились. Часть осталась там, на родной земле, а часть уехала к югу в поисках лучшей жизни. Дед Касса мечтал нас объединить, и многие его поддерживали, но ему не хватило сил сделать это. Он надеялся, что его сын выполнит этот долг перед своим народом, но у того было своё видение происходящего вокруг. Касс впитал страсть деда, считая, что наша сила в единстве. Мы должны были объединить наши кла... – Жози опять прервала свою речь. – Коммуны. Но что-то пошло не так. – Из этого рассказа я поняла, что речь о женщине.

– Так, – принялась я за подробный разбор истории. – Значит, мэр на севере Лейф, он хотел, как и Касс, сделать вас одним городом, но из-за женщины всё рухнуло. Разве может женщина разрушить такой грандиозный план?

Повисла тишина.

– Это не моё дело! – поторопилась я исправить своё положение любопытной особы.

– Ты права, Геалта, женщина должна давать силу, а не слабость. – В кухне все переглянулись. Я определённо не улавливала подтекста всего происходящего вокруг. Словно все что-то знают, но делают вид, что никто ничего не знает.

– Что значит это слово? Геалта, – прокатила я буквы, как камешки, на языке и очень постаралась сказать в этот раз правильно.

– На северном наречии... – Вдруг все замерли, даже Жози перестала возиться с тестом. – А вот и хозяин! – сообщила женщина. Все смотрели на чернеющий вход, но там никого не было. Всего мгновение – и в кухню вошёл Касс.

Его квадратный подбородок был задран вверх, руки сцеплены ладонями в районе паха, от того, как высоко он задрал подбородок, отчётливо была видна татуировка на горле. Волчий оскал. Он был взъерошен и напряжён. От него пахло чем-то знакомым, едва уловимым и свежим. Я как одурманенная вдохнула принесённый им запах. Жар прилил к щекам, и я непроизвольно свела вместе бёдра. Кровь побежала по венам с удвоенной силой, так, что даже голова закружилась.

– Жози! – разлепил Касс губы и опять плотно сомкнул челюсти, скулы торчали как лезвия ножей. – Заканчивай со своими байками. Брэди, проводи нашу гостью в её комнату. – В кухне словно весь свет пропал, от него волнами набегали ощущения тревоги.

– Ты мне обещал звонок! – Я не поддамся на всю эту картинку великолепного негодования и вселенского страдания, отразившегося на его лице. Мне просто необходимо выбраться отсюда к чертям.

– Брэди! – вместе со словами доносился рокот. – Проводи мисс, – он запнулся. Он не помнил, как меня зовут, но принялся целовать на поле как умалишённый. Горечь осела на языке, ещё этот чёртов жар во всем теле. Девочка, успокойся! Пауза затягивалась. Меня залила краска стыда.

– Миссис Кэпвел, господи! – пришла я ему на помощь. – Ты не потрудился узнать моё имя, но применение своим губам нашёл очень быстро.

Его верхняя губа дернулась, он повёл плечом, но сдержал себя.

– Жози, спасибо за уют и приятную беседу. Хотя бы кто-то здесь гостеприимен, – я встала на ноги, и на меня накатила внезапная слабость. Ноги стали словно ватными, меня качнуло. Я попыталась опереться ладонью об угол стола, но моя ладонь соскользнула и провалилась в пустоту. Касс шагнул ко мне, но меня уже держали горячие руки в районе талии.

– Жози! – рыкнул Касс, это был рык, отразившийся от каменных стен и пола, волосы на шее встали дыбом.

– Все нормально... Просто, – я тряхнула головой. – Брэди, ты мне должен, подсоби, – я улыбнулась ему. Он подхватил меня под руки, и я, почувствовав опору, задалась несколькими целями. Добраться до кабинета Касса. Запомнить дорогу ко входу.

Мы прошли мимо нервноболющего мужчины, который был наэлектризован и разве что шаровые молнии не изрыгал. Касс проводил нас напряжённым взглядом. Когда темнота коридора скрыла меня и Брэди, я вздрогнула от звука бьющейся посуды, доносящегося из кухни.

– Всё будет хорошо. Он их пальцем не тронет. Идём, Геалта, идём, – потянул меня Брэди вперёд.

– Что с ним? Хотя нет, не говори. – Выпугавшись из рук мужчины, я уже могла твёрдо стоять на ногах.

– Жози умеет варить медовуху, – хохотнул Брэди. – От неё всегда отшибает ноги.

– Буду знать! – ответив ему улыбкой, я пыталась идти как можно быстрее.

– Так ты замужем? – прозвучал неожиданный вопрос.

– И да, и нет, – уклончиво ответила я. Мне нельзя было отвлекаться на беседу. Я была сосредоточена на том, куда мы шли, и старалась незаметно придерживать пироги, которые спрятала за пазухой. Я не намеревалась больше здесь находиться. К чёрту приключения! Хочу в нормальный, адекватный мир!

– Дети? – опять задал вопрос Брэди, отвлекая моё внимание.

– Нет! Но у моего мужа скоро родится ребёнок, – зачем-то добавила я. Зачем я всем сообщаю эту информацию? Возможно, мне стыдно, что я, замужня женщина в совсем не юном возрасте, а значит, уже лишённая иллюзий, оказалась в совсем недвусмысленной ситуации?

Да, я совершенно точно пыталась себя обелить в глазах этих людей. Что я здесь делаю, если я замужем? Я изменяю своему мужу? Я вот такая женщина в их сознании сейчас? И, возможно, наличие ребёнка у моего мужа от другой женщины могло бы исправить то, что я целовалась с Кассом. Стоп! Ты не целовалась, тебя поцеловали. Его вообще об этом попросил Лейф, и даже не попросил, а приказал.

Мы шли по дому, и я старательно делала пометки в голове, отмечая маленькие особенности, которые помогли бы мне ориентироваться ночью. Узкий коридор, ведущий в кабинет Касса, я узнала сразу.

– Проходи. – Брэди толкнул дверь, которая не была заперта.

– Спасибо, – как можно теплее улыбнулась я ему. На столе стоял стационарный телефон с пружинным проводом от трубки к самому аппарату. – Ты не оставишь меня?

– Да, конечно! Буду за дверью, – он вышел спиной вперёд и закрыл дверь. У меня особо не имелось времени осматривать кабинет, мне нужно было найти карту или хотя бы понять, где тут шоссе или ближайший город, а еще нужно позвонить. Схватив трубку, я набрала номер Джека. Долго слушала гудки.

– Алло! – отстранённо прозвучал голос мужа.

– Джек, – позвала я его и улыбнулась, услышав знакомый голос. – Джек, привет! Это я, Коди. – В трубке была тишина, я сжала её сильнее и боялась пошевелиться. Вдруг провода плохо соединены или просто связь прервётся, а у меня не будет возможности позвонить ещё раз. – Алло! – протянула я, сглатывая вязкий комок, вставший в горле. – Алло! – Я чувствовала, что слёзы стоят у меня в глазах. Я боялась, что он не слышит меня.

– Зачем ты звонишь? Я всё подписал, – прошипел он в трубку.

– Джек, – облегчённо зашептала я. – Меня похитили, я не знаю, где нахожусь. Джек, сообщи в полицию, пожалуйста, – взмолилась я.

– Мне плевать. Хоть в аду гори! – прорычал он, и моё сердце забило через раз.

– Что ты... Что ты такое говоришь? – Мои губы дрожали.

– Я думал, уже больше никогда не услышу твой голос. Я думал, что наконец-то избавился от тебя. Что ты сама уже поняла всё и просто свалила. Господи! – Я слышала страдальческие нотки в его голосе. – Какая же ты тупая! Когда до тебя дойдёт? Я тебя ненавижу, и того, кем я стал рядом с тобой. Сама ничтожество и меня таким сделала. – Слезы катились по моим щекам и капали на телефонную трубку, которую я стискивала в руках. – Все всё знали, одна ты пребывала в блаженном неведении. Ты знаешь, скольких я имел, скольких водил в наш дом, в нашу кровать? Ни с одной я не представлял тебя. Ты омерзительна! Вечно пытаешься всех спасти, аж тошнит от твоей добродетели.

– Джек, – всхлинула я, захлёбываясь слезами и отвращением, которое сквозило в каждом слове моего мужа. – Помоги мне, ты слышишь, что я тебе говорю?!

– Ой, прекрати ныть! – крикнул он, а после засмеялся. – Ты знаешь, это забавно. Ты пропала в тот момент, когда я начал искать того, кто за хорошую сумму сделал бы с тобой что-нибудь мерзкое. – Внутри меня всё похолодело. – Да, я придумал минимум десять способов, как избавиться от тебя, а ты взяла и исчезла. Еще и так феерично. Сжечь клинику, я бы до такого не додумался. Рад, что не пришлось марать руки. Забудь обо мне и больше не звони. Мы не муж и жена. Слава богу, у тебя хоть на это хватило смелости. – Длинный резкий гудок заставил меня вздрогнуть. Что значит сожгла клинику? Боже, надеюсь, никто не пострадал во время пожара. Мне нужно вернуться.

Я задышалась от эмоций и чувств, не понимая, почему так больно. Ведь я давно решила поставить точку, почему же так больно? Дрожащей рукой опустила трубку на место и застыла. Какой ужас! Я столько лет жила с этим мужчиной, ложилась с ним в кровать, а он хотел от меня избавиться?! Сделать что-то мерзкое, мать его! Не набрался смелости сказать, что уходит, а решил меня убрать с дороги.

Слова Джека ещё звенели во мне непониманием и болью. Осмотревшись невидящим взглядом и не обнаружив на стенах карты, я пала духом. На столе в беспорядке лежали письма с марками, пустые конверты, но и эта информация была бесполезной. Подняв ещё раз телефонную трубку, я занесла руку над кнопками. Позвонить Бэтти просто, её номер я знала наизусть. И уже собираясь набрать номер, я поняла, что гудка в трубке нет. Всё, моё время на телефонный звонок вышло. Опустив бесшумно трубку на место, обернулась к окну за моей спиной. Чуть дальше дома раскинулся небольшой посёлок, к которому вела ровная гравийная дорожка. Домики поселения раскинулись по холму, разного размера, но все в одном стиле, белоснежные с красными крышами. Этот посёлок очень напоминал Блойдшир: ровные заборы, подстриженные туи, высаженные по линейке. Кое-где у домов стояли припаркованные машины, и радостная мысль зажглась во мне – и погасла. Угон не вариант, сигнализация подключена к спутнику, через триста метров машина заглохнет, а я совсем, совсем не мастер вскрывать машины. Выходит, мой вариант – ноги и лошадь. Успокоив себя тем, что план есть, пусть и сырой и совсем не надёжный, но это лучше, чем ничего, и поправив булки, которые норовили выпасть снизу из-за пазухи, я открыла дверь и вышла из кабинета.

– Всё хорошо? – насторожённо уточнил Брэди, дожидаящийся меня у противоположной стены.

– Да, проводи меня в спальню, пожалуйста. – Он больше не задавал неудобных вопросов и тихо шёл впереди меня, иногда оборачиваясь. Довольно быстро Брэди привел меня к дверям спальни, я кусала губы и сдерживала рвущиеся рыдания.

– С тобой точно всё хорошо? – Брэди открыл для меня дверь и ждал. Я не могла разрыдаться у него на плече, да и кого касаются мои личные трагедии. Подняв глаза на Брэди, я знала, что в них стоят слёзы. По мне всегда видно, плакала ли я. Воспалённые глаза, распухший и красный нос.

– Да, спасибо! – дрожащими губами произнесла я, выдавив из себя улыбку. И, зайдя в комнату, закрыла дверь.

ГЛАВА 7

Ощущение грязи на себе было омерзительно, и оно усиливалось от того, что в голове всплывали моменты нашей жизни с Джеком. Как я занималась с ним сексом, как я верила ему, как я целовала, как обнимала. Даже при всём его мерзопакостном поведении в отношении меня я старалась сохранить что-то хорошее и желала ему только лучшего. Я пыталась оправдать его поступки в нашем браке. Винила себя за его грубость, несдержанность, резкость и откровенное хамство в свой адрес. Я не хотела расставаться с Джеком плохо.

Присев на кровать, я вздрогнула и больше себя не сдерживала. Горячие слёзы лились нескончаемым потоком, ссадину на щеке щипало, и, когда я вспомнила о ней, стало ещё обидней, и рыдания удвоились. Я ни при каких обстоятельствах не собиралась возвращаться к Джеку, но мне казалось, что если бы ему нужна была помощь, я бы не отказала. Это чело-вечно – прийти на выручку тому, с кем ты жил столько лет бок о бок, и неважно, были ли эти годы счастливыми. Но это было моё мнение, мои утверждения, Джек ничего подобного не говорил мне никогда и не заверял в чём-то подобном. От логических выводов сердцу и душе легче не становилось.

Приняв душ, где я всё ещё переваривала свой крайне неудачный брак и мужа-ублюдка, зарылась в шкаф. Мне нужно было найти что-то более комфортное и удобное для сегодняшнего побега. Брюки я всё же откопала среди гор шмотья, они тянулись, как лосины, и я была уверена, что моя аппетитная пятая точка в них влезет. После долгих поисков нашлись рубаха и свитер толстой вязки с большим воротом. Переодевшись в удачные находки, я села в кресло и принялась ждать. Время тянулось слишком медленно.

От волнения желудок налился свинцом, заворачиваясь в узел. Меня потряхивало, а сердце непривычно быстро стучало и отдавало ударами в уши. По коже периодически бежал мороз, и холодный пот выступил на лбу. Небо за окном стало непроницаемо чёрным, и луна, поднявшаяся над горами, стала для меня знаком. Тихо приоткрыв дверь и прижав ботинки к груди, на цыпочках преодолела коридор. Оказавшись перед лестницей, прислушалась. Дом спал. Прячась в тени или углах, я пробиралась к выходу. Сердце колотилось в горле, волнение, что меня могут поймать, довело до нервной тошноты, которая накатывала волнами и сильно мешала мыслить ясно.

Потянув дверную ручку, я перестала дышать. Еле уловимый щелчок дверного замка – и я чувствую свежий воздух. Выскользнув из дома, быстро пересекла двор и забежала в конюшню, где было тепло и пахло сеном. Блёклый свет от фонарей, попадавший в конюшню, помог без труда найти Уголька. Открыв калитку, я спряталась в её деннике. Лошадь фыркнула.

– Тише, – зашептала я почти у самого её уха, опуская ботинки на пол. – Я тебе кое-что принесла. – Поднеся к её горячей морде пироги, я ощутила её язык на своих ладонях. Лошади нужно поправиться, она должна выстоять в этой борьбе, кто сильнее. На столбе висел повод, взяв в руки мягкую кожу, я скользнула в соседний денник. Где то скрипнула дверь, и приглушенные голоса раздалась за стеной конюшни. Облизав пересохшие губы, я прижалась к горячему боку смиренно стоявшей кобылки. Плюнув на ботинки, оставленные у входа, я накинула на пегую лошадку повод и, дождавшись тишины, бесшумно вышла из денника, ведя лошадь за собой.

Деревянные ворота открылись легко и без скрипа. Сбежать оказалось проще простого. Затворив ворота, я забралась на спину Уголька, и мы тихонько зашагали на середину поля, откуда понеслись галопом до кромки леса. Если Уголёк так уверенно неслась туда днём, значит, где-то там есть тропа. Нужно только дать этой лошади свободу выбора, и она меня выведет из леса. Страх не отпускал из своих клещей. Я боялась нарваться на волков, что сегодня днём

бродили рядом, я боялась заблудиться и навечно пропасть в этих лесах, но больше всего я боялась быть безвольной наблюдательницей своей жизни, какой была не раз.

Я отчаянно хотела быть смелой, сильной, непоколебимой героиней чёртового романа, пусть не с таким счастливым концом, как у многих. Но это мой выбор. Мы неслись во весь опор, я так тесно прижалась к лошади, что, наверное, на коленях останутся синяки. Когда появился лес, и он приближался с каждым толчком копыт о землю, я ликовала; приспустив повод, я позволила кобылке бежать самой. Она немного сбавила темп, взяла чуть левей, пронеслась по чернозёмному краю поля, проваливаясь копытами в уже остывшую и пропитанную водой землю, и резко повернула, выводя нас на тропинку.

Тропа была ровно на одного пешего человека или ездока верхом, узенькая, но найденная.

План был простой. Найти шоссе, отпустить лошадь, поймать попутку или пешком дойти до ближайшего населенного пункта, а там из безопасности позвонить Бэтти.

Густой лес смыкался за нами плотной стеной, сюда почти не проникал лунный свет, и казалось, что он непроглядно-чёрный. Мои пальцы онемели от холода, так неожиданно сковавшего моё разгорячённое тело. Пучок волос съехал набок от быстрой скачки по полю. Ссадина на щеке неприятно стягивала кожу, её болезненно дёргало. Не понимая, сколько времени прошло и какой сейчас час, я просто ехала вперёд, сгорбившись и уставившись в темноту, будто ожидая чуда. Губы пересохли, чем больше я их облизывала, тем суше они становились, горло драло от жажды. Лес казался бесконечным. Торчащие повсюду жуткие корявые ветки цеплялись то за рукав свитера, то за выбившиеся из пучка волосы. Я распласталась на спине кобылки, просто ожидая, когда этот лес закончится. Конца и края ему не было видно. Моя спасительница замедлила ход, видимо, тоже устав, и теперь едва переставляла ноги. Я плавно переваливалась с одного её бока на другой. Так мы и брели по узкой тропинке, с двух сторон зажатые густым лесом. Под копытами лошади то и дело хрустели листья и сухие ветки. Неожиданно кобылка свернула в сторону.

– Эй, ты куда? – прохрипела я, напомнив Роуз из Титаника, когда она плыла на двери, замершая и обессиленная. Подняла голову, и мне показалось, что между кустами мелькнул свет. Лошадь шагала как на выгуле, склонив голову низко к земле, а у меня не было сил её подстегнуть. Эта слабость, с которой я боролась весь вечер, забирала последние силы. Если в начале побега нам обоим помогал адреналин, то сейчас мы держались на чистом упорстве.

Луна поднялась выше, мелькая между быстро пробегающими тёмными облаками, и только изредка её свет окрашивал ледяной белизной лес. Чёртов лес и больше ничего.

Это был странный лес, здесь даже ветра не ощущалось, ни одна травинка не шевелилась, воздух был тяжёлым и вязким, он пах влагой, жухлой листвой и плесенью. Я словно в сказке оказалась, попав в заколдованную чашу. Иронично, не правда ли? Сбежать и потеряться в густом лесу. Можно утешить себя хотя бы тем, что я попыталась изменить свою жизнь. И, несмотря на всю дикость моего похищения и безумства, которые творились после, я не могла отрицать, что это было забавно.

Попытавшись выпрямиться, я упёрлась руками в спину лошади и приподнялась. Между стволов мелькнуло что-то ещё темнее, чем чернота вокруг. Страх запустил моё сердце в турборежим, мерзкий холодный шар тревоги заворочался в желудке.

Хруст веток донёсся с другой стороны. Всматриваясь до боли в глазах в пространство между стволами деревьев, я попыталась дотянуться до повода, чтобы пришпорить кобылку. Хруст повторился. Неужели меня окружают? Я вертела головой, как филин в дупле, и готовилась ударить пятками по бокам лошади. Всё во мне напряглось, каждая мышца натянулась для рывка. Что-то выскочило из кустов перед лошадью, и она, встав на дыбы, скинула меня со своей спины. Я почувствовала свободу падения. Моя спина выгнулась, и все хрящи в позво-

ночнике хрустнули от удара о землю. Воздух с непонятным звуком вылетел из моих лёгких. Удар затылком я услышала очень отчётливо. Я видела луну, выглянувшую из-за тучи, странно изогнутые ветки, гнездом закручивающиеся вокруг белого круга. Надо мной нависла чёрная тень, а через секунду я отключилась, позорно отдав себя в руки преследователей.

Всё тело болело. Слабость атаковала меня. Жуткая, разрывающая голову напололам боль отдавала в виски и затылок. Лицо опалило жаром. Обнаружив себя лежащей на земле у костра и накрытой чем-то очень тяжёлым, я попыталась приподняться и осмотреться.

Появившийся в поле зрения незнакомый мужчина присел на корточки, чтобы свет от костра осветил его лицо.

Его голова с выбритыми висками смотрелась непривычно для меня. Оставшиеся на макушке волосы были заплетены в косу. Круглое загорелое лицо, широкий нос, неоднократно сломанный, о чём говорила ярко выраженная горбинка, тонкие губы – всё это придавало мужчине грозный вид. Но взгляд близко посаженных голубых глаз был озорным и светлым.

– Как голова? – бегая по моему лицу глазами, обеспокоенно спросил мужчина. – Приложило вас хорошо, – он протянул мне фляжку, в которой что-то плескалось. – Боль не уберёт, но станет легче. – Взяв предложенную флягу, я принялась и сморщила нос. Жажда была нестерпимой, и я приложилась к горлышку. Губы и горло обожгло, я закашлялась.

– Кристер! – приятный мужской голос окликнул мужчину, и я замерла. – Нужно предложить воды, а не самогон.

– Это поможет унять дрожь, – оправдываясь, сообщил мне Кристер. Попытавшись подняться с земли, я тут же опустилась обратно. Голова кружилась, как после карусели. Я больше не пыталась шевелиться. Кажется, даже от вздоха меня мутило.

– Мы в лесу? – закрыв глаза, уточнила я.

– Да, это лес нашего... – начал было Кристер отвечать на мой вопрос и замолчал. Открыв глаза, я увидела перед собой знакомое лицо. Лейф опустился на колени возле меня. Ниспадающие светлые волосы слегка вились и обрамляли суровое скуластое лицо. Глаза неправдоподобного белого цвета, Римский нос, да, именно так, римский. Я читала что обладатели такого носа – прирождённые защитники.

– Кристер закончил со взваром, после него вам станет лучше, – рокочуще ответил Лейф, поднеся к моим губам кружку, от которой шёл пар. – Очень горячее, – предупредил он. Лейф придвинулся ближе, но и в этой позе я не смогла бы пить. Не расшаркиваясь и не спрашивая у меня разрешения, мужчина передвинулся, оказавшись позади меня, и прижал меня спиной к своей груди, выступив в роли опоры. Я успела только раскрыть рот, собираясь выразить своё «фи» ему и его непонятно откуда взявшейся галантности, но мне не дали даже пискнуть. Он прижал к моим губам кружку.

–пей до конца, это поможет, – настойчиво попросил он, перейдя на «ты». Вытянув губы дудочкой, я пригубила немного горячего напитка. Пряная и вязущая жидкость прокатилась по горлу. Я пила в тишине, только костёр трещал и скрипели стволы деревьев. Подняв взгляд, я внимательно посмотрела на покачивающиеся макушки елей.

– Ветер, – прошептала я.

– Сегодня очень промозглый, будто и не весна вовсе, – поддержал меня Кристер. – Вы легко одеты для верховой прогулки по лесу.

– Кристер, – под моей спиной завибрировала мужская грудь, – позже будешь играть в детектива. Ещё глоток, – попросил Лейф, поднеся к моим губам чашку, и не убирал её, пока я не выпила всё. – Теперь отдыхай, – он выскользнул из-под моей спины, бережно придерживая меня и укладывая обратно на землю. – Кристер, принеси свитер из моего рюкзака. – Лейф был спокоен. Каждое его слово излучало непоколебимость, уверенность в том, что он говорит и делает. Кристер принес свитер, и, приподняв мне голову, Лейф положил его мне под неё.

Я хотела воспротивиться его помощи, и вообще кого-либо из этого места. Меня обуревали гнев и злость на этих людей, но удар головой был слишком сильным, и, возможно, мне отшибло холодную рациональность. Я едва сдерживала накатывающую тошноту.

Прикрыв глаза, я попыталась расслабиться, чтобы пульсация в голове отступила. Слегка повернув голову вбок, провела щекой по мягкой текстуре одолженного мне свитера. Втянув запах, непроизвольно потёрлась о него ещё раз, делая несколько коротких вдохов. Он пах свежескошенной травой, костром и терпким чёрным перцем.

Ветер качал ветки деревьев, которые стонали, как зверь, скребущий когтистой лапой в окно. Огонь трещал рядом со мной, и я ощущала его жар на лице. Я слышала фыркание лошадей и тихие мужские голоса.

– Ты не хочешь с ней поговорить? – раздался голос Льёта.

– Ш-ш-ш, – шикнул кто-то на него, и голоса опять потонули в шуме леса. Ноги и руки налились пудовой тяжестью, тошнота отступала, и, пошевелившись, я высунула нос из-под панциря. Каждое движение отзывалось болью в спине и голове. Даже мысли, тяжело ворочавшиеся в голове, причиняли боль.

– Как себя чувствуешь? – за спиной раздался голос Льёта. Вокруг меня слишком много тестостерона.

– Не знаю, – мой голос хрипел. Поднявшись на локте, усилием воли подавила нахлынувшее головокружение. – Мне нужно идти. Спасибо за помощь, но мне пора. – Прикрыв глаза, я смогла сесть.

– Что с твоим лицом? – напряжённо спросил Льёт. Его обычная весёлость исчезла.

– Учила дикарей обращаться с лошадьми, – пробормотала я.

– Тебе нужно отлежаться пару дней, – рядом возник Лейф. Его бархатистый голос убеждал меня остаться. Расслабиться и просто поспать. – Может быть, останешься с нами? – продолжал уговаривать он меня. Уверенно встав на ноги, я махнула рукой, словно отрезая всю его помощь, и, зависнув на секунду, покачнулась и полетела обратно, как подкошенная.

– Не понимаю, что со мной? – промямлила я ослабевшим ртом, смотря в светлые глаза Лейфа. Он поймал меня и, придерживая, сел на землю, не выпуская меня из рук.

– Тебе нужно отдохнуть. Я обещаю, с тобой ничего не случится, и когда тебе станет лучше, ты отправишься в дорогу. – Без объективных причин я ему поверила. – Меня зовут Лейф, – решил представиться он.

– Я помню, – всё ещё мягкими губами прошамкала я.

– А там, – Лейф указал рукой в темноту, – Моды. Мой верный друг.

Из черноты вышел мужчина средних лет. Суровое белоснежное лицо ярко выделялось на фоне тёмного леса. На одной стороне его были жуткие шрамы, как от когтей зверя. Они начинались у самого рта и тянулись далеко за ухо. Коренастый и широкоплечий Моды внимательно следил за мной.

– Очень приятно, Коди, – я попыталась улыбнуться, но у меня ничего не вышло. – Почему вы здесь? А не в доме?

– Лес очищает разум и даёт жизненные силы, – ответил Лейф, который по-прежнему держал меня в руках. Моды, резко вздёрнув голову вверх, несколько секунд смотрел в чернееющее небо, будто прислушиваясь к чему-то.

– Дождь будет, – бросил он и исчез в темноте.

– Ты не мог бы меня отпустить? – попросила я, ощущая неприятную тяжесть в груди от его близости. Лейф опустил меня обратно на землю и, укрыв, как оказалось, плащом, отодвинулся немного в сторону.

– Ты решила сбежать? – присев напротив меня, спросил Льёт.

– Я и не собиралась оставаться.

– Ты умеешь доверять? – Я не ответила на вопрос Льёта. – Я дал тебе слово. А мы люди чести.

– А я королева Калькутты, – парировала я его самоуверенность. Он засмеялся.

– Ты даже не представляешь, насколько близка к истине.

– Что вы тут делаете? Готовите жертвенный алтарь? – Льёт расхохотался, подняв голову к небу.

– Чёрт, девочка, – отсмеявшись, заговорил он, – а ты с фантазией.

– А ты бесцеремонный. Ты в курсе?

Из леса раздался шум. Повернув голову, я вглядывалась во мрак, ожидая, что оттуда кто-то выпрыгнет.

– Это Моды, – не глядя в ту сторону, откуда прилетел звук, попытался успокоить меня Льёт.

– Как ты?.. – Нахмурившись, я уставилась в густую темень, которая, казалось, наступала на меня, как чудовище. Через несколько секунд оттуда действительно вышел Моды. Его широкие и стремительные шаги были направлены в мою сторону. Бей, беги или замри. Я всегда замираю. Каждый раз одно и то же. Я не издала ни звука, не подорвалась бежать. Я зажмурилась, ухватившись за край плаща, будто он мог спасти меня. Я ожидала удара ножом или чего-то подобного.

– Давай, шустрый, – произнес Моды, остановившись за моей спиной. – Подсоби мне. – Спустя несколько минут, открыв глаза, я выдохнула. Я всё ещё была жива.

Обернувшись, я столкнулась взглядом с Моды. – Дождь будет, – опять повторил он.

За моей спиной росло несколько толстоствольных деревьев, образуя треугольник, где Льёт и Моды соорудили навес. Мужские руки мелькали быстро, зная своё дело.

– У вас есть выход в интернет? – смотря на Моды, завязывающего узел на стволе дерева, уточнила я. Мужчина перестал что-либо делать руками. – Прогноз погоды, вы узнали из интернета? У вас есть телефон? – Моды метнул быстрый взгляд на Льёта; проигнорировав мои вопросы, он вернулся к работе.

– У Моды кости ноют на дождь, – улыбнувшись, ответил Льёт и отвернулся от меня, вернувшись к сооружению навеса. Я моргнула, как глупая курица, и попыталась понять, шутка это или нет. Повернувшись к костру, я затихла в своих бормотаниях и проклятьях. Напротив меня сидел Лейф, внимательно наблюдая за мной. Когда он появился? Как можно настолько бесшумно ходить?

– Нужно тебя передвинуть и перенести костёр под навес. Будет немного чадить, но лучше так, чем вымокнуть до нитки в такой холод. – Я кивнула. Он был такой серьёзный и суровый, я вообще боялась при нём открывать рот. Он слишком напряжён, я всю жизнь старалась избегать таких людей, особенно мужчин. Душа у них, собственно, как и сердце, черна и покрыта шипами, через которые не то что человек, свет не пробьётся. Это тяжёлые и мрачные люди, слишком сосредоточенные исключительно на своей персоне. С Льётом было проще, с ним я не ощущала границ, и с ним всё происходило само собой. Я на уровне интуиции знала, что могу сказать ему всё, что угодно, и мне это не навредит. Льёт шутил и часто улыбался, с ним было легко.

Где-то далеко послышались тяжёлые раскаты грома, небо озарялось синими всполохами, просвечивая тучи насквозь. Ветки елей шумели и трещали от резких порывов ветра. Огонь бросало из стороны в сторону, выбивая снопы искр, улетающих вверх. Лейф, сидевший неподвижно, выпрямился и, подняв голову к небу, втянул носом воздух.

– Скоро буду! – резко бросил он, а мужчины, соорудившие навес, встрепенулись и перестали работать.

– Лейф! – крикнул Моди ему вдогонку, но он уже скрылся в гуще леса. – Иди с ним, – бросил он Льёту. – Я закончу сам. – Льёт смотрел в темноту, туда, куда ушёл Лейф. – Льёт! – прикрикнул Моди. – Живей! – Парень сорвался с места и побежал за дядей.

Моди работал споро. В его сильных руках мелькали верёвки, топор, и минут через десять крыша от непогоды была готова. На землю мужчина набросал еловые ветки, припасённые заранее. Площадка получилась внушительная, мы точно все там уместимся.

Ветер крепчал, а Моди мельтешил между тенями деревьев и нашим укрытием. Он носил под навес сухие дрова, складывая их аккуратной стопкой. Я не решалась заговорить с напряжённым мужчиной. Он казался замкнутым и тем, кто не любит незнакомцев. За которыми ещё и приглядывать нужно. Ещё и беспомощная женщина. Впору только закатить глаза до небес.

– Встать сможешь? – присев на корточки рядом со мной, спросил Моди. Несмотря на активную физическую нагрузку и возраст, у него даже дыхание не сбилось. Костер давал достаточно света, чтобы увидеть на его шее ровно бьющуюся вену. Насмотревшись на него тайком во время работы, на его шрамы, сейчас я могла смотреть ему в глаза и ровно отвечать на вопросы, не переводя взгляд на борозды, которые точно были оставлены каким-то зверем.

– У меня сотрясение, ходить я могу. – Он протянул мне некрупные ладони с короткими пальцами, предлагая помочь. Вложив свои подрагивающие холодные руки в его горячие и огрубевшие, я охотно согласилась на его помощь. Одним рывком он поднял меня с места и проводил к новому пристанищу на сегодняшнюю ночь. Моди перенёс под навес плащ, которым меня укрыли, и свитер Лейфа. Уперевшись рукой в ствол дерева, я ждала, когда Моди укажет, куда нужно лечь. Головокружение меня не щадило.

– Ты не торопись, краса, – посматривая на меня искоса, подбадривал Моди. – Сейчас я всё устрою. Накормим тебя, напоим и спать уложим. К завтра лучше станет, – его странный выговор вынуждал прислушиваться к каждому слову. Я хотела было задать вопрос о любопытных словах в его речи, но не прошла и двух шагов, как меня подкосила одышка, она просто душила. Холодный пот выступил у меня на лбу. Что за чертовщина со мной происходит? Моди отошёл в сторону, давая мне возможность опуститься на мягкое еловое лежбище.

– А можно я к дереву присяду? Уже бока болят лежать на земле, – лёгкая улыбка коснулась моих губ. Моди передвинул лежанку, куда я, издав стон, опустилась на трясущихся ногах и выдохнула.

– Устала, поди? Ещё чуть потерпи. – Моди отвернулся и занялся передвижением костра. Тяжело привалившись спиной к грубому стволу дерева, я запрокинула голову вверх. Над нами раздался страшный раскат грома, даже земля задрожала.

– Знатная будет буря, – пришёлкнув языком и словно наслаждаясь громом, сказал Моди.

– Ваш говор... Очень необычен. Откуда вы?

– Отовсюду и ниоткуда, – уклончиво ответил мой собеседник. – Разве можем мы знать, откуда мы?

Чёткая улыбка обозначилась на моих губах.

– Так значит, вы философ! А я в первые минуты подумала, что вам только грубая сила близка.

– Это какая же?

– Не знаю, – пожала я плечами и закрыла глаза, которые горели. Я замолчала всего на секунду, ещё раз вспомнив свои ощущения при виде Моди. – Будто вы пахарь. Любите землю. Ваши руки не крупные, но рабочие, жилистые и мозолистые. Тёплые, как дерево или земля, пригретая солнцем, или зерно, согретое руками. – Открыв глаза от ощущения пристального взгляда на себе, я замолчала.

– Разве это грубая? – опять вернувшись к костру, спросил он. – Это сила от сердца. Сила от природы, земли-матушки, она всё в себя забирает. Хорошее или плохое, то, что мы есть, нас и определяет, – он говорил, как ручеёк журчал. От его голоса становилось легче, и глаза нали-

вались свинцом. – Подремли, краса. Ты устала, а наши соколики что-то задержались. Никак тропку обратно не отыщут, – усмехнулся он сам себе.

– Да чего же мне уставать? – уже тяжёлым языком проговорила я. – Столько спать, – зевок вышел непроизвольно.

– Отдыхай, пока возможность есть, – его ответ звучал где-то далеко. Я уже погружалась в сон, и это происходило так быстро и внезапно, словно меня опять чем-то опоили. Паника взметнулась пожаром, и я попыталась открыть глаза, но не смогла. Гул надвигающейся грозы становился дальше, как и всё, что говорил Модри, а он словно сонную сказку рассказывал мне.

ГЛАВА 8

Погружаясь в сладкие объятия сна, я пыталась воззвать к своей силе воли, к какому-то стержню, который, несомненно, был у меня где-то. Ведь я опять оставляла себя в беззащитном положении, в непроходимом лесу с незнакомцами. Но все попытки были тщетны. Сладкий и тягучий сон уже наваливался на меня пуховой периной. Он был такой знакомый, тёплый, мой, такой настоящий. Сон. Странный сон, который мне нравился. В нём я не была под личиной хорошей девочки и дышала полной грудью, глубоко и ровно.

В один миг, сосредоточившись на этом дыхании, я будто вырвалась из глубоких вод на поверхность.

Деревья стонали. Я слышала, как огонь метался рядом. По привычке повела плечами, ожидая холода, но осознала, что мне тепло. Сумев открыть глаза, я несколько секунд пыталась понять, что не так. В том положении, в котором находилось моё тело, мне было непривычно. Попытавшись откинуться на спину, я не смогла этого сделать. Меня накрыла паника, что меня связали. Дождь лил стеной, и от порывов ветра его носило из стороны в сторону.

У жарко горящего костра сидел Лъёт. Держа в руках кружку, он неторопливо что-то отсёрбывал из неё. Мое сердце забилося пойманной птицей, и как только оно ускорило свой бег, Лъёт повернул голову и, мягко улыбнувшись, подмигнул мне. Тиски, в которых я находилась, сжались на мне плотнее.

Я попыталась вывернуться, но добилась обратного эффекта, рука сомкнулась на мне кольцом в районе грудной клетки.

– Он не отпустит и не проснётся, – печально ухмыльнувшись, тихо сказал Лъёт.

– Ну и я не подушка, – пробубнила я в ответ.

– Не сердись. Он беспокоился, что ты замёрзнешь в такую непогоду. Прилёт рядом, всё остальное было произвольно. – Я смолчала и не стала вступать в полемику.

– Где вы были?

– Заяц попался в силки для куницы, пытались его спасти, пока не задушился. Но не успели. Пришлось варить рагу на скорую руку. – Лъёт не смотрел на меня, но я и без его взгляда понимала, что он лжёт. Какая мне разница, где они были и что делали.

– Расскажешь, как добраться до города? – Я решила брать быка за рога.

– Не думаю, что у тебя получится уйти одной и босиком. Кстати, почему ты босиком?

– Может, мне нравится так ездить верхом! – огрызнулась я.

– Коди, я тебе не враг!

– Ты вообще понимаешь?.. – громко воскликнула я и прикусила язык. Лейф заворочался, и я снизила тон. – ...Что я пережила? – закончила я фразу шипящим шёпотом. – Меня похитили. Моя клиника сгорела. Меня стегнули хлыстом, пытались насильно поцеловать, совершенно незнакомый мне человек. И для записи, его пассивную агрессию по отношению ко мне не сможет скрыть ничто.

– Касс ранил твою щёку? – склонившись ближе, задал уточняющий вопрос Лъёт и замер в ожидании моего ответа.

– Это всё, что тебя волнует из перечисленного списка? – возмутилась я толстолобости Лъёта. – Вы подожгли клинику? – зло прорычала я.

– Это была случайность. Мы всё проверили. Там никто не пострадал.

– Случайность?! Ты понимаешь, что это моё детище? Это всё, что у меня было, – тихо и сдавленно произнесла я.

– Мне жаль, Коди, правда. У тебя будет в десятки раз больше, чем эта клиника, – слегка улыбнувшись, попытался Лъёт сгладить ситуацию.

– Мне не нужно в десятки раз больше, это было моё. Понимаешь? Каждая лампочка и дверной замок принадлежали только мне.

Льёт молчал. Надеюсь, его терзало чувство вины. Он свалился на мою голову, как снег летом, и теперь всё пошло сикось-накось. Мой план на новую жизнь откатился на дальние километры. Клиники нет, я в разводе, и что я имею в сухом остатке? Станных людей, напитывающихся силой леса.

– Кто ранил тебя? – придвинувшись ближе, спросил Льёт. – Это Касс?

– Это были его люди, – не стала врать я. Льёт придвинулся ещё ближе. – Это была случайность, погоня, если быть точным, – оправдывалась я – или пыталась защитить Касса. Хотя с чего бы? Но Льёт неподвижными зрачками всматривался в мой порез. – Что ты делаешь?

– Запоминаю глубину и ширину твоей раны.

– Зачем?

– Я должен оценить весь ущерб и возместить его.

– Не нужно ничего возмещать, – шёпотом прорычала я. – Это случайность!

Я замолчала, успокаивая своё сердце и эмоции, лившиеся через край.

– Почему за порез ты готов наказывать, а за поцелуй нет?

– То, что у тебя на лице, останется навсегда, а поцелуй – это приятно.

– Это было отвратительно! – не сдерживая эмоции, воскликнула я, и рука Лейфа опять сжалась вокруг меня. – Чёрт! Большой мужик с голубыми глазами не равно «делаю всё, что хочу». Так и передай своему дяде.

– Это было настолько неприятно? – уточнил Льёт.

– Хуже, – страдальчески ответила я. – Так что? Я могу рассчитывать на верное направление?

– Единственное, что могу тебе обещать, это тёплое утро, горячий кофе и вкусный завтрак.

– Это ненормально! – прорычала я от бессилия.

– Что именно?

– Всё это! Вы, гроза, лес, я на лошади и эти нелепые объятия среди ночи с абсолютно незнакомым мужчиной. Как мне выбраться отсюда? – простонала я.

– Поверь мне, это бесполезное занятие. Мы своё не отпустим, – чуть тише добавил он.

– Что это значит?

– Что?

– Не притворяйся, что не понимаешь. – Я оторвала голову от импровизированной подушки, чтобы Льёту было отчётливо видно, насколько я зла, и надеюсь, мои глаза сверкали гневом.

– Я... Мне нужно... Пойду проверю, как там Кристер, – он подорвался на ноги. – Я скоро вернусь. – И парень просто сбежал от меня под проливной дождь. Опустившись обратно на свитер Лейфа и стиснув крепко зубы, я зарычала сквозь них.

Всё, чего я смогла добиться, попытавшись вывернуться из рук Лейфа, – это немного повернуться к его лицу. Толкнув мужчину в плечо несколько раз, я поняла, что разбудить его – провальная затея.

Его лицо было расслаблено. Длинные ресницы оттенка мёда с молоком подрагивали, как крылья бабочки. Ему что-то снилось. На скулах отражались всполохи огня. Чувственные губы довольно ярко выделялись на фоне белой кожи. Мягкие, слегка разомкнутые, они манили провести по ним пальцем. Оттянуть и проследить, как полная губа отпружинит обратно. Лейф напряжённым немигающим взглядом будет следить за моим пальцем, он практически перестанет дышать. Моё прикосновение будет нетерпеливым, но медленным. Кончиком розового языка он оближет как бы невзначай то место, где мой палец касался его плоти.

Я зажмурилась и встряхнула головой. Это был словно наяву. Словно я это уже делала тысячу раз, будто это наш ритуал. Сердце подскочило в груди, и в горле пересохло. Это морок

какой-то! Что за дичь здесь происходит? Опять попытавшись отодвинуться, я осталась ровно на том же месте, где и была изначально, если не ещё ближе к мужскому телу.

Тяжело вздохнув и подвигавшись, я смогла отвернуться спиной к Лейфу. Расслабив шею и отпустив все бредовые и дикие мысли, я просто слушала, как вода течёт с неба и капает на землю. Неожиданно мужчина за моей спиной пошевелился, крепче прижав меня к своей груди. Он глубоко втянул воздух рядом со мной, а после потянулся, но руку с моего живота не убрал.

– А можно меня отпустить? – негромко, но чётко попросила я, стараясь, чтобы злость не выплёскивалась через край.

– Тебе неудобно? – самый нахальный и самоуверенный вопрос, который я слышала, сорвался с его соблазнительных губ.

– Мне неприятно! – возмутилась я. – Это не то, о чём я тайно мечтала. Проснуться в тёмном лесу, с незнакомым мужчиной, пригвожденной к земле его... – Договорить у меня не вышло. В голову полезли пошлости, и я, залившись краской стыда, просто замолчала.

– Особого выбора у тебя в данный момент нет, – не сдвинувшись с места, продолжил тихо басить Лейф. Меня же поразила его наглость, впрочем, вся эта семейка была такой.

– Вы можете лечь с другой стороны, или, например, рядом с Моди!

– На правах...

– Кого? – взорвалась я тихим шёпотом, перебив Лейфа. И, повернув голову, столкнулась с ещё затуманенными сном, светящимися чистотой глазами. В них было столько немых вопросов, столько боли, что злость во мне улеглась, и я, проглотив бранные слова, непроизвольно придвинулась ближе, зашептав:

– С тех пор, как я встретила Льёта, всё вокруг меня переворачивается с ног на голову. Меня похитили, и вы имели к этому прямое отношение. Мою клинику сожгли, совершенно варварски и скотски. Дело моей жизни превратилось в пепел. Меня опаивали, на меня злились без видимых причин, меня целовали против моей воли, я узнала... Впрочем, это неважно. Для каких бы целей вы меня сюда ни привезли, я для них не гожусь. Поверьте. Просто подскажите, в каком направлении город. Или что-то вроде, где живут нормальные люди, и я уйду. Вы забудете обо мне, словно меня никогда и не было. Вам не нужен такой балласт, как я. Поверьте. Я наискучнееший, совершенно обычный из плоти и крови человек. У меня нет денег. И богатых родственников, точнее, они есть, но за меня не заплатят и бакса. Всё, что у меня есть – это старая «хонда» и безумная подруга, желающая мне счастья, как в сказках. Ну, знаете, конь, принц, злодей и счастливый уход в закат.

– Куда ты собираешься в такой дождь?

– Дождь имеет свойство заканчиваться, и я не сахарная. – Мужчина молчал, разглядывая моё лицо. – Хватит! – шикнула я на него. – Перестаньте пялиться на меня, как на лакомый кусок пирога. Это как минимум неприлично и как максимум – пугает до жути.

– Я тебя не отпущу, – спокойно и уверенно сказал Лейф. А вот это уже прямая угроза незаконного лишения меня свободы.

– Вы сейчас на статью наговорили, – я храбрилась, прикрываясь привычной задиристостью, но уже чувствовала накатывающую панику и холодный комок ужаса, разрастающийся в моей груди.

– В такую погоду не отпущу, – поправил он первоначальную фразу. – Закончится дождь, и я отвезу тебя в город. – Облегчение от услышанного слишком явно отразилось на моём лице. Мужчина нахмурился, между его густых бровей залегла складка.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я Лейфа. Хотя кто-то был здесь адекватным.

– Дети? У тебя есть дети? – спросил Лейф, всё ещё лёжа рядом со мной и грея своим телом мой бок.

– Нет. – Я смотрела на белый навес, который подрагивал от ветра, и сама не понимала, почему не испытываю агрессии к этому мужчине или Лье́ту после всего, что они вытворили со мной. – Это моя проигранная битва с природой, – сказала я чуть тише, словно боясь произносить такие слова вслух и вообще признаться кому-то в подобном. Я даже Бетти не жаловалась. Они с Рэем прошли десять кругов ада, чтобы сейчас в ней билось маленькое сердечко. Оторвав взгляд от навеса, я повернулась на бок и изучала точёный профиль Лейфа. – По-честному, я все свои битвы и сражения проиграла с разгромным счётом. Я проиграла свой брак юности и амбициозности. Своих родителей – статусу в обществе. Я проиграла саму себя жизни. И уж если совсем откровенно, то возвращаться мне некуда. Единственный человек, который будет волноваться за меня, это моя подруга Бэтти. – Слезинка скатилась по моему виску и утонула в облаке шерсти под моей головой. – Только не жалейте меня. Хотя, не спорю, выглядит это жалко. Рассказ незнакомцу о том, какая я неудачница.

– Так зачем в город, если тебе некуда возвращаться?

– Не знаю. Обратиться в полицию.

– Тебе смогут помочь?

– Надеюсь, – выдала я быстрый ответ на вопрос и задумалась; кажется, вопрос был не об этом. Мысли побежали в другую сторону, но я, накинув на них полог тишины, начала давить на мужчину, чтобы вызвать в нём чувство вины и склонить на свою сторону. – И это ваша вина, что я оказалась в таком положении. Вы оставили меня без документов и увезли в неизвестном направлении. Мне необходимо попасть в участок. Понимаете? Мне нужно позвонить людям, которые за меня беспокоятся.

Между нами повисла приятная тишина.

– У вас есть жена или девушка? – Я прощупывала ситуацию, чтобы понять, чем давить. Лейф отрицательно покачал головой. Чёрт! – В наше время сложно найти человека по душе. Всё переходит на уровень выгоды, что ты можешь дать и что можно от тебя получить. Сам человек больше никого не интересуется.

– Не соглашусь, – так же повернувшись на бок, сказал Лейф. – Некоторые не хотят отдать власть в руки мужчин. Позволить им выполнять их прямые обязанности, и тогда начинаются проблемы.

– У вас и так слишком много власти. Вы не знаете, что с ней делать, и начинаете сходить с ума.

– Изменять законной жене не значит иметь власть. Унижать свою женщину не значит иметь власть. Бросить ее на произвол судьбы – не значит иметь власть. Это значит, что он не мужчина, а подонок. – Мы смотрели друг другу в глаза, и я совершенно точно была уверена, что Лейф говорил обо мне.

– Что, по-вашему, власть в этом узком ключе?

– Можно на «ты»? – попросил Лейф, и я согласно кивнула. – Это значит оберегать, заботиться, тревожиться, радовать, слушать, знать, предугадывать.

– Идеальная картина мира. Но в жизни всё не так. – Я готова была вступить в полемику.

– Именно так, – уверенно подтвердил Лейф свои слова. – Всё очень просто. И проблема совсем в другом. Когда женщина получает всё перечисленное, она пугается. Останавливается и бежит без оглядки в противоположную сторону. Женщине страшно, ей кажется, что посягают на её свободу, что её лишают права выбора. Она не хочет видеть, что власть уже у неё в руках. Потому что мужчина делает всё для неё и ради неё. Мужчине не нужен мир, если его некому подарить. Это самая мощная движущая сила – сделать свою женщину счастливой. – Я приоткрыла рот от такой интерпретации отношений и мира. – И женщина сломя голову бежит в объятия того, кто изменяет, унижает, оскорбляет, пренебрегает. Она не может ни на секунду позволить себе даже представить, что достойна здоровых отношений. Что достойна большего. Она сама начинает искать подвох в этом большем.

– Значит, я не дала власти своему мужу, и поэтому он начал ходить налево и бесконечно унижать и оскорблять меня? – возмутилась я.

– Может быть, в твоём случае всё было иначе. – Он согласился со мной, как с подростком, лишь бы я не психанула и не ударила в истерику.

– А может быть, просто мужики – избалованные, не вышедшие из возраста подростков козлы!?

– Я бы не был так категоричен, – попытался охладить мой пыл Лейф. У меня было стойкое ощущение, что я беседую с профессором, который уверен в своей правоте, и ничто не способно его переубедить. Я была взбешена тем, что он пытался доказать мне, что это я виновата в своей ситуации, и если бы я больше прогибалась и давала волю своему мужу, то всё было бы иначе.

– О-о-о, – громко выдохнула я, остро отреагировав на его деликатность. – Ну, спасибо за просвещение! – Злость кипела во мне, как вода в кастрюле на девятке. Я чувствовала, как гнев опалает меня и жжёт изнутри. – Пообщавшись с тобой, а ещё раньше с тебе подобными, могу с превеликой радостью тебе сообщить, – я взяла секундную паузу, проглатывая ругательства. – Всё ваше племя – одни сплошные рогатые козлы! – Не могу сказать, что кричала, но это прозвучало чуть громче, чем я рассчитывала. – Сидишь тут, хозяин леса, питающийся силой земли. Весь такой возвышенный, умудрённый опытом, философ, твою мать. Не говори мне, что это моя вина, потому что забрала у кого-то мужскую силу и волю. Хватит делать из себя тонко чувствующих, сердечных особ. Если кто-то не был мужиком, значит, не создал условий, в которых я могла бы быть полноценной женщиной! – Моя грудь быстро поднималась и опускалась. Ощущение звериной злости, колотящейся в моем сознании, толкало на физическую расправу. Я правда готова была броситься на мужчину с кулаками. Мы оба уже не лежали, а сидели, и я собиралась вскочить на ноги. Куда только делись слабость и головокружение?

Моди засмеялся, чем и остудил наш пыл.

– Лейф, угомонись, – он широко улыбался. – Вот послушаешь вас – и вроде все умные, говорите красиво, но бестолковые как пни. Вы оба неправы. Успокойтесь уже, – он свистнул, и из-за деревьев вышел Лъёт. – Зачем ты оставил их одних? – спросил Моди у взъерошенного Лъёта. – Всему вас учить надо! Завари кофе, шустрый, да покрепче. – Моди устало вздохнул и оторвался от дерева. Лъёт суетился у костра. – Нет чёрного или белого. Нет правильного и неправильного. Есть только то, что хорошо для вас. И это уникально. Есть судьба и есть усилие. Без упорства и усилия одной судьбы недостаточно. – Он замолчал и принял из рук Лъёта кружку с кофе. – Вот мы сидим в этом лесу, под проливным дождем, и пьём кофе. Это хорошо. Ведь никто из нас друг от друга ничего не ждёт. Нет ожиданий, нет разочарований. Но если к этому примешать краски, оттенки, чувства и судьбу, из этого выйдет что-то. – Он отпил несколько коротких глотков. – Что вы видите, так это и будет отражаться в вашей картине мира. Я вижу раннюю весну. Землю, ещё не согретую солнечным теплом. Природа уже готова, ждёт момента цветения. Она хочет сбросить оковы долгого сна, но пока это невозможно. Потому что дни ещё коротки, у солнца не хватает сил, а дождь не питает землю, а ещё больше охлаждает её. – Аналогии Моди были прямыми, без намёков. Лейф отвернулся от меня к костру и нахохлился, как воробей, мокнувший под дождём. Тем временем дождь закончился, и вокруг посветлело. Лъёт протянул и мне кружку с кофе и мужские ботинки.

– Спасибо!

– Пей кофе, и я отвезу тебя в участок, – бросил Лейф. Быстрые взгляды Моди и Лъёта на мужчину не укрылись от меня. Пили кофе в молчании. Я сделала это как можно быстрее, чтобы поскорей уехать и больше не напрягать мужчин своим присутствием.

– Приберитесь, – буркнул Лейф, поднимаясь на ноги. Моди последовал за ним и, положив руку Лейфу на плечо, сжал его в каком-то отеческом жесте. Лейф раздражённо скинул его руку.

– Не нужно. Это была провальная затея. – Моди открыл было рот, чтобы сказать что-то ещё, но не успел. Лейф вышел из-под навеса. – Идём! – не глядя на меня, позвал он. Торопливо

натянув ботинки и надев плащ, я тоже вышла из-под навеса, и будто что-то разрушилось. Там, среди этих деревьев, был другой мир, далёкий от этой реальности. Остановившись, я обернулась.

– Спасибо вам за всё. Извините, если чем-то обидела, я не со зла. – Быстрым и стремительным порывом я обняла обоих мужчин. Модри накинул мне на плечи плащ, которым я была укрыта всю ночь. – Позаботьтесь о кобылке, пожалуйста. Она и так натерпелась. – Мягко улыбнувшись и махнув рукой на прощанье, я поспешила догнать удаляющегося в лес Лейфа.

ГЛАВА 9

Запахнув одолженный мне плащ, я аккуратно перебирала ногами по узкой тропинке, которая шла сквозь густой лес. Прикрывая лицо от хлестких ударов веток, я всё время ёжилась от ледяных капель, падающих мне за шиворот. Лес дышал влагой и стылым воздухом, мой кончик носа стал ледяным.

Мы вышли на опушку, где стоял старенький пикап. Его цвет спелой вишни был ярким пятном среди мокрого туманного леса. Грунтовая дорога, на которой стояла машина, вела вглубь, а здесь был тупик.

Лейф открыл для меня дверь и терпеливо ждал, пока я преодолею последние метры до автомобиля. Когда я забралась на мягкое скрипучее сиденье, он громко хлопнул дверью, и я вжала голову в плечи.

Усевшись за руль, Лейф с одного раза завёл грузовик, и мы без проблем тронулись с места. Очувтившись в машине и на дороге, я почувствовала облегчение до головокружения. Будто я долго блуждала по лесу и вот наконец-то выбралась из этого лабиринта.

Мы ехали молча, и гнетущая тишина, давящая на совесть, не позволила мне отмолчаться.

– Я признаю, – шумно выдохнув, заговорила я. – Возможно, я ошибаюсь в своих суждениях касательно мужчин и брака. Да, есть счастливые пары и люди, которые получают удовольствие от происходящего. Где-то есть благородные, с рыцарским сердцем мужчины, убивающие чудовищ ради своей леди. Наверное, мне повезло меньше. Я... Не хочу расставаться на неприятной ноте с человеком, который мне помог в трудный момент, пусть этот момент он сам и создал, – без смущения добавила я.

– Я не сделал ничего особенного. Так поступил бы каждый, окажись он на моём месте. И мне жаль, что мы увезли тебя без твоего на то разрешения. Это всё правда выглядит странно и подозрительно. Я понимаю твои опасения. Мне жаль, что твоя клиника сгорела, это вышло случайно. Я возмещу тебе все убытки. Мы забрали тебя, потому что твоя нога опухла. Возник пожар, мы не знаем города. Всё наложилось одно на другое, и это вышло спонтанно. Хотя не скрою, нет ничего логического в том, что я тебе сейчас сказал, – запальчиво выдал Лейф, и мне стало спокойней рядом с ним, пусть и после путаного и действительно нелогичного объяснения. Но это уже хоть что-то.

Грунтовая дорога закончилась, и мы выехали на шоссе. В уголках моих глаз собрались слёзы, незаметно сморгнув их, я улыбнулась сама себе.

– Извини, – резко бросил Лейф. – Я был непростительно груб. Безусловно, твой опыт должен уважаться и учитываться при обсуждении подобных тем. Я не привык, что женщина рядом со мной откровенна в суждениях и так честно высказывает свое мнение.

– Что?

– Обычно они говорят то, что я хочу услышать, скрывая своё мнение и мысли, или просто молчат.

– А ты рок-звезда или принц Саудовской Аравии? – Лейф улыбнулся, и я непроизвольно засмотрелась на его смягчившиеся черты лица.

– Не то и не другое. Но со свободно мыслящими женщинами я встречался редко.

– Почему они так себя ведут? – Он пожал плечами и не ответил. Стало понятно, что он не хочет продолжать этот разговор.

Лес мелькал густотой и стройностью сосен. Он был чёрным и неприглядным, даже редкая зелёная трава не приковывала взгляд. Всё смешалось в один цвет. Я поёжилась от внезапной тоски, поселившейся в солнечном сплетении. Погладив пальцами грудную клетку, прокашлялась. Преждевременная радость сменилась неуверенностью в том, что я сейчас делала.

Когда появились домики, мне показалось, что в машине стало светлее. Я хотела елозить на кресле, как ребёнок, и вертеть головой во все стороны, но сидела неподвижно, ощущая неправильность происходящего. Я словно упустила что-то важное.

Мы проехали пригород. Белые домики, как под копирку, с коричневыми крышами и белыми заборчиками из штакетника, выстроились ровными улочками. Я жила в похожем районе. Здесь машины не ездят быстро, почти в каждом дворе лаает золотистый лабрадор, качели на дереве, и в проекте – домик на дереве с верёвочной лестницей.

Сглотнув тугой комок разочарования и несбывшихся надежд, я смотрела сухими глазами в окно, ожидая увидеть полицейский участок. Проехав широкую улицу, по обеим сторонам которой шли магазинчики, мы миновали кинотеатр и свернули налево. Лейф припарковался у маленького кирпичного одноэтажного здания без вывесок и опознавательных знаков. Пара больших окон ярко освещалась изнутри лампами дневного света, в окнах никто не мелькал, кажется, там было пусто. Лейф заглушил мотор, и мы не двигались, смотря в эти окна, словно они были границей, отрезающей нас от того мира, который был под навесом.

– Идём, – он вышел из машины и, открыв мне дверь, помог выбраться из пикапа.

– Куда ты меня привёз?

– В участок, – сухо ответил Лейф и захлопнул дверь автомобиля.

Начал моросить мелкий холодный дождь. Ботинки Лейфа тяжело опускались в лужи, которые были на каждом шагу, из-под подошв вылетали чёрные брызги.

Стеклянная дверь легко поддавалась толчку Лейфа. Женщина преклонных лет с элегантной стрижкой «боб» подняла на нас глаза из-за стойки. Очки на её лице в широкой роговой оправе сползли на кончик носа. Подтянув их ближе к переносице, женщина расплылась в широкой улыбке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.